

18+

№1 В СПИСКАХ  
БЕСТСЕЛЛЕРОВ  
AMAZON KINDLE И iBOOK

# Смотри На меня

Джеймс Кэрол

**Джеймс Кэрол**  
**Смотри на меня**  
Серия «Джефферсон Уинтер», книга 2  
Серия «Мастера саспенса»

*Текст предоставлен правообладателем.*

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=9964041](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9964041)*

*Кэрол, Джеймс Смотри на меня : роман: АСТ; Москва; 2015*

*ISBN 978-5-17-108487-5*

### **Аннотация**

Бывший сотрудник ФБР Джефферсон Уинтер берется за новое расследование, которое приводит его в солнечную Луизиану, где страшнее жары – только убийца, разгуливающий по маленькому городку под названием Игл-Крик.

Убит Сэм Гэллоуэй, успешный адвокат, представитель одной из самых уважаемых семей Игл-Крика. Все, что есть у шерифского управления, – пленка, на которой Гэллоуэя сжигают заживо.

К расследованию подключается Джефферсон Уинтер, чья специализация – серийные убийцы. Но успеет ли Уинтер раскрыть это дело, прежде чем в городе, где каждый что-то скрывает, а история сворачивается в тугую спираль, погибнет кто-то еще?..

# Содержание

1	5
2	13
3	21
4	27
5	38
6	43
7	52
8	60
9	63
10	71
11	77
12	84
13	90
14	95
15	102
16	107
Конец ознакомительного фрагмента.	108

# Джеймс Кэрол

## Смотри на меня

*Посвящается Кэм, моей сообщнице и  
соучастнице*

«WATCH ME»

*by James Carol*

Печатается с разрешения литературных агентств  
Darley Anderson Literary, TV & Film Agency и The Van  
Lear Agency LLC.

© James Carol, 2014

© Хатуева С., перевод, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

# 1

Смерть Сэма Гэллоуэя была долгой и мучительной. Она никак не соответствовала его образу жизни – он должен был умереть совсем по-другому. Такие люди, как Сэм, или спокойно умирают во сне, или их внезапно настигает сердечный приступ во время игры в гольф. Во всяком случае, их не обливают бензином и не поджигают. И в последние мгновения жизни им не приходится кричать, сгорая заживо с грязной тряпкой во рту.

Можно легко заключить, что Сэм стал жертвой обстоятельств, и списать все на то, что он оказался «не в том месте, не в то время». Обычно в таких ситуациях так и поступают – никто не хочет лишний раз включать воображение и ум: и лень, и страшно. Ведь если предположить, что Сэм оказался «не в том месте, не в то время», его убийство можно отнести на волю судьбы, случая или капризов богов. Но если убийство не случайно, то придется признать: то, что случилось с Сэмом, может случиться с каждым. И ты можешь быть следующим.

Но Сэм не был случайной жертвой обстоятельств, и в его убийстве не было вообще ничего случайного. Убийце – одному или нескольким – нужен был именно он. Сначала убийца просто упивался своей мечтой, но со временем придумал, как претворить ее в жизнь. И самое главное – он придумал,

как сжечь Сэма и не попасться.

Безнаказанность – принципиальный момент, это и отличает любителей от профи. Совершить преступление легко – любой дурак сможет. А вот не попасться при этом – совсем другое дело. И пока все идет четко по плану: Сэм мертв, убийца – на свободе, и ему ничто не мешает продолжать вести привычный образ жизни, как будто ничего и не произошло.

В эту самую минуту он, возможно, празднует свой успех за завтраком в каком-нибудь ресторанчике, поедая яичницу с хрустящим беконом или гору блинчиков с кленовым сиропом и запивая все это огромной чашкой кофе. Или он на работе – на какой-нибудь офисной должности с девяти до пяти: пожимает руки коллегам, ободряюще хлопает их по спине, обсуждает с ними вчерашний футбол у кулера. Игру он, конечно, не смотрел, поскольку был занят более важными делами, но изучил обзоры матча на спортивных сайтах.

Еще десять минут назад я и понятия не имел о существовании Сэма Гэллоуэя. Но, получив мейл, я уже не мог думать ни о чем другом, кроме как о его смерти и о том, кто его убил. Убийца интересовал меня больше всего.

Я посмотрел на монитор ноутбука и на кровать, на которой лежал мой чемодан. Последние две недели я провел в Южной Каролине, разыскивая убийцу по имени Карл Тиндл. Сейчас он уже под арестом, а значит, пришло мое время переключиться на новое дело.

Еще пять минут назад все мои мысли были заняты серийным насильником из Гонолулу, жертвами которого становились исключительно проститутки – не элитные, а самые низкопробные, от которых этот мир попросту решил отказаться. Но это не значит, что они не заслуживают справедливости. Я считаю, что нельзя делить человеческие жертвы на значимые или незначимые. Я берусь за дело вне зависимости от того, кто вы: представитель голубых кровей или дешевая шлюха.

Билеты на самолет и отель были уже оплачены, вещи собраны, и я с нетерпением ждал, когда смогу, наконец, убраться из Чарльстона. Проблема была не в Чарльстоне – с городом как раз все было в порядке. Но я провел здесь целых две недели, а этой мой предел – дольше на одном месте я оставаться не могу.

Я снова взглянул на лэптоп. За время работы в ФБР я быстро научился расставлять приоритеты. Временной ресурс всегда ограничен – в мире развелось слишком много маньяков. Последнюю жертву на Гавайях обнаружили только что, а значит, время пока на нашей стороне: преступник не сразу начнет новую охоту. Но в истории с Сэмом Гэллоуэем часы тикали быстро и громко. Я решил, что смогу на несколько дней отложить поездку на Гавайи, и мое решение сильно на ход вещей не повлияет.

Новый запрос пришел от шерифа Питера Фортье из полиции прихода Дейтон, город Игл-Крик, штат Луизиана. Я никогда не слышал ни про Дейтон, ни про Игл-Крик, ни про

шерифа Фортъе, что неудивительно. США – огромный лоскут земли площадью чуть менее десяти миллионов квадратных километров и с населением в треть миллиарда человек.

Мой интерес вызвало видео, приложенное к запросу. Не так уж и часто мне доводится увидеть убийцу в деле. Обычно я довольствуюсь конечным результатом – иногда это труп, а иногда нет и его. В некоторых случаях нет даже места преступления – от него остается одно мокрое место. За время работы в ФБР я допросил огромное количество маньяков и слышал из первых уст множество историй, хоть и пристрастных. Но лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, – пусть и всего лишь через объектив камеры.

Убийца Сэма – не первый, кто заснял свое творение на видео, и не последний. Но все-таки такое поведение – исключение, а не правило. Маньяки часто оставляют себе что-то вроде трофея, который подпитывает их фантазии. Обычно это неприметные, вполне себе невинные сувениры, которые имеют особое значение только для убийцы – предмет одежды, прядь волос или сережка. К видеосъемке прибегают редко, потому что это рискованно. Если запись увидят, как объяснить ее происхождение?

Я проиграл видео во второй раз. Изображение было качественное, четкое и стабильное – это значит, что камера была установлена на штативе и что убийца – один человек, а не несколько. Если бы их было двое, то один из них наверняка

захотел бы поиграть с камерой, и сейчас я смотрел бы нечто напоминающее плохо снятое домашнее видео. Звук не было. С ним было бы гораздо легче, потому что сейчас мое воображение заполняло тишину такими звуками, которые, вероятно, были на порядок страшнее реальности.

Сэм Гэллоуэй был взят крупным планом. На полу, связанный по рукам и ногам и с кляпом во рту, он бился и метался, как рыба по палубе. От напряжения лицо его побагровело, а глаза вылезали из орбит. Костюм был мятый и грязный, а в воротник белой рубашки глубоко въелась грязь.

Определить, где именно его держали, было сложно. Пол – бетонный и грязный, а единственная стена, которую я мог видеть, была из шлакоблоков. По ощущениям, это было производственное здание, достаточно уединенное, и я предположил, что, скорее всего, речь идет о большом гараже или бункере, чем о складе. Цифры в правом нижнем углу экрана указывали на то, что видео было снято вчера, в начале двенадцатого ночи.

Спустя минуту после начала записи, в 23:04, на экране появился второй мужчина – худой, ростом где-то метр семьдесят пять. В руке у него была канистра. Он подошел к Сэму так, чтобы камере была видна только его спина. Сэм увидел его и замер. Он смотрел на парня, смотрел на канистру, а потом заметался с утроенной силой, в отчаянных попытках освободиться.

Мужчина отвинтил крышку канистры и вылил ее содер-

жимое на Сэма. Бензином тут же пропиталась одежда Сэма, он стекал у него с волос, попал в глаза и нос – Сэм просто в нем тонул. Убийца вытряс из канистры последние капли и поставил ее на пол, достал из кармана коробок спичек – совершенно белый, без логотипов ресторана или бара, зажег спичку, небрежно бросил ее в Сэма и исчез с экрана.

Сэм умирал более двух минут – на две минуты дольше, чем должен страдать любой человек. Трудно даже представить себе, какую адскую боль он пережил. Никто не заслуживает такой смерти.

В письме шерифа Фортъе была еще и ссылка на недоделанный сайт. На нем были только большие белые цифры на черном фоне:

**13:29:23**

Справа от этих цифр были палочки из игры в виселицу. Текущая игра почти заканчивалась, оставалось дорисовать только конечности. И они тут же появились – сначала руки, потом ноги. По одной конечности в секунду. Последние три секунды превратились в две, затем в одну. На нуле виселица стала красной и исчезла.

Двадцать минут превратилось в девятнадцать, и на экране возникло основание виселицы. С каждой секундой добавлялись новые элементы: стойка, верхняя перекладина, крюк,

веревка. Затем голова, тело, руки и ноги. Когда последний секундный знак превращался из единицы в ноль, картинка краснела и исчезала, и весь десятисекундный цикл начинался заново.

Я стал водить мышкой по экрану в поисках скрытых ссылок. Ничего не было ни в этот раз, ни при первом просмотре ссылки. Адрес сайта тоже не давал никакой информации: [www.violescent.com](http://www.violescent.com). По данным Google, слово *violescent* означало фиолетовый оттенок.

Я подумал, что убийца мог воспользоваться случайным генератором слов. Я бы на его месте сделал именно так, потому что, если попытаться придумать случайное слово самостоятельно, оно никогда не будет случайным до конца – подсознание вмешается в любом случае. Есть смысл проверить, кому принадлежит доменное имя, но я готов биться об заклад, что там тоже тупик. Ничего не стоит зарегистрировать домен на несуществующее лицо.

На первый взгляд, это какой-то искусно продуманный розыгрыш: тела нет, места преступления нет, вещественных доказательств тоже. В распоряжении полиции – только видео и сайт. При этом я был уверен, что дело реальное. Во-первых, Сэм Гэллоуэй пропал. Во-вторых, Сэма опознали на видео. В-третьих – и это важно, – если это был розыгрыш, то в чем его смысл? Все делается с какой-то целью, любое действие ведет к результату. И этот результат должен оправдывать затраченные на него усилия. Если бы Сэм захотел ин-

сценарировать свою смерть, то мог бы выбрать гораздо более легкий способ. Решающим, четвертым аргументом было то, что видео настоящее. Будь оно сфабрикованным, за актерскую игру можно сразу давать «Оскар».

Несколько долгих минут я смотрел на табло с обратным отсчетом и на висельников и анализировал свои опции. В Чарльстоне было полдвенадцатого утра. В Дейтоне было на час раньше, то есть пол-одиннадцатого. Обратный отсчет закончится, когда часы пробьют полночь по луизианскому времени. За это время на сайте повесится еще 4860 человечков.

Луизиана или Гонолулу? Серое болото или бикини? Выбора не было. Я всегда был равнодушен к драматическим проявлениям, а у этого убийцы явно просматривался талант. По правде сказать, я сдался с первого взгляда.

– Джефферсон Уинтер? – эхом прокатилось по ангару.

Я установил источник звука и увидел огромного лысого чернокожего парня, стоявшего у лестницы частного самолета «Гольфстрим G550». На просторах ангара самолет казался игрушкой, но все равно стоявший рядом с ним парень казался гигантом – как будто вдруг нарушились естественные пропорции.

Ступая по балкам, я пошел к самолету. Приблизившись, я убедился, что парень и правда двухметровый великан, состоящий из ста тридцати килограммов мышц. Мой рост – метр семьдесят пять, так что он был выше на целых двадцать пять сантиметров. От его огромных стоп во все стороны расходились перекрывающие друг друга тени, и он стоял прямо посередине этого темного круга. На груди его черной униформы была блестящая золотая звезда, на обоих плечах – нашивки Дейтонского управления полиции. Форма выглядела совершенно новой.

Он был еще моложе, чем я думал. Ему было около двадцати, лицо было еще по-детски открытым, честным и вызывающим доверие. Сомневаюсь, что таким оно останется надолго. Работа в полиции выматывает всех без исключения – кого-то раньше, кого-то позже. Со временем чернота, с которой приходится иметь дело, неизбежно проникает внутрь

человека.

Происхождение самолета тоже вызывало любопытство. Такой самолет, и даже не один, может себе позволить ФБР, но у ФБР есть годовой бюджет в восемь миллиардов долларов. Я был совершенно уверен, что отделение полиции в Дейтоне никак не могло похвастаться миллиардным бюджетом. Вряд ли в их распоряжении было больше десяти миллионов в год, а значит, большая их часть уходит на текущие расходы, и денег на такие излишества, как «Гольфстрим», оставаться никак не может.

Внешний вид самолета ни о чем не говорил, фюзеляж был белый, и кроме номера никаких опознавательных знаков на нем не было. Это было довольно странно. Владельцы частных самолетов обычно стараются любыми способами прокламировать себя, продемонстрировать свои богатство и статус, вывесить свой флаг на самой высокой мачте. А ведь эта конкретная «мачта» набирает высоту в пятнадцать тысяч метров... Частный самолет люди покупают не для того, чтобы добираться из точки А в точку Б, а чтобы выставить напоказ свои достижения. И президент США перемещается на личном «Боинге-747», а не эконом-классом по той же причине. И как бы ни хотелось его PR-советникам, чтобы все думали иначе, личный самолет с практичностью ничего общего не имеет.

Великан старался держаться спокойно. Было видно, что он явно напряжен и то и дело оглядывается в поисках снай-

перов. Что делать с руками, он тоже не знал – то ли пожать мне руку, то ли взять мою сумку? В конце концов мне пришлось принять решение за него. Я поставил сумку на пол и протянул ему руку. Поколебавшись, он пожал ее, утопив мою ладонь в своей. В то же время рукопожатие у него оказалось на удивление мягким.

– Неплохой у вас самолет, – кивнул я на «Гольфстрим».

– Если бы, – зарокотал он опять своим резонирующим и каким-то утробным медвежьим басом.

Из-за молодости у него пока не было авторитета, но со временем эта проблема решится. На униформе никаких знаков отличия я не увидел, а значит, он находился в самом низу полицейской иерархии. Это явно было временно, потому что глаза были умные. Он был огромным, да. Но совершенно точно не глупым.

– Как тебя зовут? – спросил я.

– Тэйлор.

– И все? Просто Тэйлор, по фамилии?

– Просто Тэйлор, – кивнув, подтвердил он.

– Похоже, ты сильно стесняешься своего имени, – усмехнулся я. – Лучше скажи сейчас, я все равно его узнаю.

– Не узнаете, – сказал он, усмехнувшись в ответ.

Откуда ни возьмись появился работник аэропорта и погрузил мою сумку в багажный отсек. В сумке помещалось все, что мне требовалось в течение дня. После смертной казни отца я стал вести кочевой образ жизни – ездить по ми-

ру и ловить маньяков в Париже и Сиднее, Лос-Анджелесе и Лондоне, Йоханнесбурге и Буэнос-Айресе. Зло границ не уважает. Путешествую я всегда налегке.

Домом мне служат люксы в отелях, и меня это полностью устраивает. Есть люксы получше, есть похуже, но я не сильно придиричив в этом плане. Даже самый обычный люкс всегда лучше дешевой комнаты в мотеле, коих на мою долю пришлось более чем достаточно.

У меня есть дом в Вирджинии, оттуда мне в свое время было удобно добираться до работы в Куантико. Уже много лет я не был в тех краях, и никакого желания возвращаться туда у меня нет. Вместе с тем я никак не могу решиться продать этот дом. Я уверен, что любой психиатр приведет с десяток причин, почему я его до сих пор не продал, и наверняка окажется прав. Но к психиатрам я не хожу. Я был лучшим криминалистом в ФБР, самым молодым сотрудником отдела поведенческого анализа. Я носил костюм агента, начищенные до блеска ботинки и работал от заката до рассвета на безликого хозяина, которого с каждым днем я уважал все меньше и меньше. Казнь отца стала переломным моментом. Буквально через несколько дней после того, как в тюрьме штата Калифорния ему пустили по вене смертельный коктейль из химикатов, я уволился из ФБР. И каждый раз, когда я вспоминаю отца, перед глазами у меня возникает именно момент казни. Он умирал шесть минут и двадцать три секунды. Большую часть этого времени он был без сознания. В

отличие от Сэма Гэллоуэя, он отделался легко, даже слишком легко.

Я видел все документы по его делу, фотографии жертв. До того, как его поймали, отец успел убить пятнадцать женщин. Он похищал их, вез в бескрайние орегонские леса, отпускал и охотился на них с мощной винтовкой и приборами ночного видения. Подстрелив жертву, он бросал ее, не удосуживаясь даже вырыть могилу. Оставаясь на земле, тела исчезали моментально: их съедали животные и насекомые. Удивительно, насколько быстро может изуродовать природа-мать, насколько беспощадной она может быть.

По моему мнению, не нужно было вкалывать отцу пентобарбитал. Тогда он умер бы от удушья и в полном сознании, а не во сне. И даже в этом случае это было бы слишком легкое наказание за его убийства, но это было бы хоть что-то.

– Мэрион? – предположил я. – Твои родители наверняка были фанатами Джона Уэйна.

– Даже рядом не стояло.

– Чак?

Тэйлор засмеялся, жестом «после вас» пропустил меня перед собой, и мы поднялись на борт. Бортпроводнице, встретившей нас на входе в салон, было чуть за пятьдесят. У нее были черные волосы, окрашенные, чтобы скрыть седину, и туфли без каблуков. Ее взяли на работу не потому, что она обладала эффектной внешностью, а за деловые качества. Я одобряю этот подход. Всему свое время: иногда важна внеш-

ность, а иногда – эффективность. Когда речь идет о бортпроводниках, я всегда голосую за профессионализм. Перелеты и так достаточно утомительны, чтобы усугублять неудобство чьей-то некомпетентностью.

Интерьер салона был сдержанным и строгим, чем напомнил мне один из самолетов ФБР. В нем не было никаких излишеств, присущих рок-звездам или Голливуду, никакой мишуры.

В хвостовой части стоял стол из орехового дерева в окружении четырех черных кожаных кресел. Я устроился в кресле у окна и положил на стол лэптоп. Тэйлор сложился вдвое, сел у прохода в кресло напротив и вытянул ноги насколько это было возможно. Самолет начал движение, и он взялся за ремень безопасности.

– Зачем? – сказал я. – В частном самолете можно не пристегиваться.

– А если будем падать?

– Если будем падать, мы умрем. Ремень не поможет. Думаешь, когда двадцать пять тонн металла ударяются о землю на скорости 800 километров в час, тебя спасет эта тканая ленточка?

Тэйлор бросил на меня недоуменный взгляд. Он прищурился, поднял брови и посмотрел на меня так, как будто у меня вторая голова выросла. Я же к этому уже привык.

– Хочешь узнать, почему нас на самом деле заставляют пристегиваться во время взлета и посадки?

– Мне обязательно это слышать?

– Наверное, нет, но я все равно скажу. Все дело в управлении толпой. В чрезвычайной ситуации никому не нужно, чтобы триста человек в истерике бегали по проходу. То же самое и с кислородными масками. Они накачивают тебя чистым кислородом. Делаешь вдох – чувствуешь эйфорию. Ты предпочел бы последние минуты жизни провести в ужасе или с ощущением, что сейчас протянешь руку и дотронешься до Бога?

Тэйлор снова посмотрел на меня. Через минуту мы подъехали к началу взлетной полосы и остановились. Мотор взревел, и мы рванули, как камень из рогатки. «Гольфстрим» взлетел моментально, затратив на разгон маленькую толику того расстояния, которое требуется пассажирскому лайнеру. Шасси убрались, и мы стали понемногу набирать высоту под комфортным углом в двадцать градусов. Пилот явно знал свое дело. Взлет прошел, как по учебнику гражданской авиации, – без эмоций, без резких движений и невыносимо скучно.

Тем временем за стеклом иллюминатора Чарльстон превращался в игрушечный городок, а Карл Тиндл пополнял мою ментальную коллекцию злодеев, которых я поймал за свою жизнь. Он был не самым отъявленным из всех, но и далеко не ангелом. Ему нравились студентки, и, как только он добивался своего, он душил их пластиковым пакетом и кожаным ремнем. К моменту, когда я подключился к рассле-

дованию, на его счету было уже восемь жертв.

Вычислить Карла было несложно, это заняло у меня один день. Проблемой стала его поимка. В Южной Каролине есть много запущенных мест, много вариантов для укрытия. В конце концов мы отыскивали его в заброшенном домике у побережья. Когда он понял, что окружен, сдался без особого сопротивления.

В отличие от моего отца, Карлу не придется ждать результатов рассмотрения множества апелляций на смертный приговор. Карл – маленький и слабый человек, такой живой мертвец. Он вряд ли доживет до конца года. Вероятнее всего, его не станет уже до конца этой недели – он либо покончит с собой, либо его зарежут. Тюремное правосудие жестоко, сурово и намного более действенно, чем судебное.

И когда нужны дела, я знаю, на какое правосудие можно рассчитывать.

Как только мы поднялись над зоной облаков, бортпроводница предложила нам меню. Узнав наши пожелания по поводу еды и напитков, она скрылась в проходе хвостовой части. Не успел самолет полностью набрать высоту, а она уже вернулась с заказанными напитками.

«Гольфстрим» летает на высоте 15 000 метров. Это почти на 6000 метров выше, чем пассажирские лайнеры, на 6700 метров выше, чем Эверест. На такой высоте воздух более разреженный, самолет летит более плавно и с бóльшим КПД.

Богатые люди не любят находиться в обществе бедных, даже если речь идет о полете в стратосфере. Я вновь мысленно обратился к вопросу, кто владел самолетом. Если бы он был моим, я очень тщательно выбирал бы арендаторов. Управление местной полиции уж точно не относилось бы к желанным клиентам. Проще всего было бы разузнать все у Тэйлора, но я еще не был готов задавать ему эти вопросы. Я загрузил лэптоп, открыл файл с последними минутами жизни Сэма Гэллоуэя, нажал на кнопку воспроизведения и повернул компьютер монитором к Тэйлору. Из хвоста доносился аромат говядины по-бургундски. Судя по запаху, я сделал хороший заказ.

– Смотри внимательно и скажи, что ты видишь.

– Простите, не понимаю.

– Молчи и просто смотри.

Я сделал глоток кофе. Это был «Ямайка Блю Маунтин», необычайно мягкий сорт. В этих горах идеальные условия для выращивания кофе: плодородная земля, хороший дренаж, прохладный и влажный климат. В результате получается один из лучших сортов, известных человечеству. Тэйлор пил пепси. Он даже не понимал, чего себя лишил.

В глазах у него бликовали цвета монитора. По выражению лица было понятно, что ему нелегко дается просмотр. Пару раз он сморщился, как будто бы все происходило не на экране, а с ним самим. Наверняка он, как и я, не мог не придумать свое собственное звуковое сопровождение, которое было намного страшнее, чем реальность. В его воображении сейчас слились воедино звуки из всех фильмов ужасов, которые он смотрел.

Серо-белые блики сменились на оранжево-желтые, он снова сморщился и стал тереть ладони, как будто у него горели подушечки пальцев, а он пытался их затушить. Потом оранжевый цвет сменился на черный, и он повернул монитор ко мне.

– И? – спросил я.

Тэйлор покачал головой:

– У меня не такая зарплата, чтобы иметь собственное мнение по таким вопросам, мистер Уинтер. Это точно не для человека моего уровня.

Я зевнул так наигранно, как только смог.

– Слушайте, я в полиции всего полгода. Я умею только штрафы выписывать. Я настолько незаменим, что меня отправили до самого Чарльстона вас встретить и проводить. Не знаю, заметили вы или нет, но я не в шерифской форме хожу.

Я сделал еще один глоток фантастически вкусного кофе и пожалел, что никак нельзя покурить. Сейчас как раз был момент, когда до слез хочется курить.

– Во-первых, зови меня Уинтер. Во-вторых, интересный выбор слов. Ты мог бы выбрать любое звание, но выбрал именно шерифа, верхушку пирамиды. Это значит, что ты – возможно, и не раз – стоял перед зеркалом и представлял себя в новенькой форме шерифа.

Тэйлор покраснел. Понятно, что чернокожий краснеет не так заметно, как белый, но он явно покраснел. На считанные секунды передо мной сидел не стотридцатикилограммовый великан, а школьник, который только тем и отличается, что на тридцать сантиметров выше и на двадцать килограммов тяжелее одноклассников.

– Помимо этого, – продолжал я, – ты достаточно умен, чтобы понимать, что в северной части Луизианы твои шансы равны нулю. Поэтому ты решил, что не будешь высовываться, будешь добросовестно работать и пройдешь все возможные для такого, как ты, ступеньки профессиональной лестницы, а потом, имея достаточно опыта, переедешь в более расово просвещенную часть страны.

Тэйлор отпил пепси.

– Что-то не слышу возражений, – проговорил я.

– Что плохого в том, что у меня есть амбиции?

– Совершенно ничего. Более того, обещаю, что, если ты ответишь на мой вопрос, я не стану рассказывать твоим коллегам о том, насколько ты умен.

Тэйлор опять пристально посмотрел на меня, но ничего не сказал.

– Ты ведь приемный экзамен специально написал хуже, чем мог бы, да? Тебе было нужно, чтобы твой результат не сильно отличался от среднего проходного. А ведь с легкостью мог бы сдать на высочайший балл, мог бы получить самую высокую оценку в истории отделения полиции Дейтона. Но ты не стал демонстрировать свой ум, потому что в таком случае сослуживцы чувствовали бы себя с тобой некомфортно. Предположу, что ты до мастерства отточил свою роль тупого великана. Возможностей для практики было много, так ведь?

Тэйлор не стал ничего отрицать, да это и не было нужно, потому что все было написано у него на лице.

– Джордж? – спросил я.

– Джордж, как в книге Стейнбека? – Тэйлор покачал головой. – Я думал, у вас с воображением получше.

– Ладно, вернемся к делу, – кивнул я на лэптоп. – Что думаешь?

Тэйлор вздохнул, покусал губу, покачал головой и сказал:

– Никто не заслуживает такой смерти.

– Это эмоциональный ответ. Он нам ничего не даст. Отбрось эмоции и расскажи, что ты видел.

Тэйлор хотел что-то сказать, потом заколебался и улыбнулся:

– Эмоции.

– Продолжай.

– Убийцу можно сравнить с роботом – у того столько же эмоций. Он появляется на экране, выливает на Сэма Гэллоуэя бензин, бросает на него спичку, уходит. Как будто бы это не человека он жарит, а шашлык. Он психопат. Все по учебнику.

– Ты довольно близко подошел к истине, но приза не получишь. Пока. Ты прав в одном: ключ к разгадке – отсутствие эмоций. А неправ ты в том, что наш поджигатель – психопат. Это не так.

– Как это не психопат? Он не просто убил Гэллоуэя, *он его сжег*. Он мог бы его убить любым другим, более быстрым способом: пустить пулю в лоб, например, но он так не поступил! Он его поджег с одной-единственной целью: он хотел, чтобы жертва страдала!

– А ты только что сложил два и два и получил пять. Иногда это хорошо, но не сейчас.

– Ну а на что тогда похоже четыре?

– Хороший вопрос.

– Вы не скажете?

– Пока не скажу.

В несколько кликов я загрузил сайт. На экране было 10:42:08. Игра в виселицу только что началась, было нарисовано только основание и вертикальная стойка. Через секунду появилась верхняя перекладина. В Дейтоне сейчас было восемнадцать минут второго. Время шло, полночь неумолимо приближалась. То, что убийца выбрал временем старта полночь, подтверждало его тягу к драматизации. Я повернул компьютер к Тэйлору.

– А что ты скажешь вот об этом?

На этот раз в глазах Тэйлора отразились белые блики – одна вспышка в секунду, как медленное, стабильное и расслабленное сердцебиение. Прошло десять секунд, двадцать. За это время повесились две фигурки. Тэйлор не сводил взгляда с экрана. Он явно глубоко задумался.

– Это своего рода обещание. Он говорит нам, что Сэм Гэллоуэй стал первым. Но не последним. Убийства будут продолжаться.

– Можно вопрос? – спросил Тэйлор.

Я снял наушники и открыл глаза. Вторая часть моцартовской симфонии «Юпитер» тут же превратилась в скрежет металла и потеряла свою насыщенность. Протянув руку, я выключил звук. Мы летели около часа, половина пути до Луизианы была позади, а под нами широкие пространства Алабамы готовы были сменить штат Миссисипи. Бёф бургиньон полностью оправдал мои ожидания. Он был почти под стать кофе.

Тэйлор сидел с серьезным выражением лица, и я уже знал, что будет дальше. Я этот вопрос слышал тысячу раз. История с моим отцом секретом не была, и люди не могли не любопытствовать.

Вопрос существовал в двух вариантах. Первый: как можно было не заметить? Как можно было жить под одной крышей с серийным убийцей и не знать, чем он занимался? Ответ на этот вопрос был простой. Отец был умен, умел манипулировать и вел себя очень рационально. В отличие от нашего теперешнего поджигателя, отец как раз был тем психопатом, которого описывают в учебниках. Он преподавал математику в университете, его любили студенты и коллеги. Он смог создать такую образцовую иллюзию реальной жизни, что в нее все поверили и никто ничего не заподозрил.

Второй вариант вопроса: каково это – иметь в отцах серийного убийцу? Чаще всего я задаю встречный вопрос: а каково это, когда твой отец доктор, или бухгалтер, или дворник? Этот ответ обычно воспринимается как грубость – на этом разговор заканчивается. А если бы человек задумался над моим вопросом, он бы понял, что в нем и содержится ответ.

Если вынести за скобки тот факт, что отец был серийным убийцей, он был обычным преподавателем математики, у которого были жена и ребенок. Он очень старался быть среднестатистическим человеком, интегрированным в общество. Он никогда не бил и не обижал меня или мать. Самое страшное преступление, которое он себе позволял, – отстраненность и строгость, но таких отцов – миллионы.

Пока сотрудники ФБР не ворвались к нам в дом, мы жили обычной жизнью. Есть семьи более благополучные, чем наша, но есть и менее. В нашей семье были ссоры и примирения, были праздники и хорошие времена. Плохие времена тоже, естественно, были, и их было немало. Картины Нормана Рокуэлла – это мы, но и Босх – это тоже мы. Иногда мы друг друга ненавидели, иногда – терпели, время от времени даже любили. Другими словами, самая обычная семья.

– Давай, спрашивай.

Тэйлор помедлил, что тоже было в порядке вещей в этих случаях. Он направил взор в иллюминатор и стал всматриваться в бело-голубой туман. Когда он отвлекся и повернул-

ся ко мне, серьезное выражение лица исчезло.

– Почему у вас седые волосы?

Я засмеялся и замотал головой.

– Что? – спросил Тэйлор и снова стал похож на ребенка, заключенного в тело великана, – потерянного, неуверенного и настороженного.

– Да нет, ничего. Просто я не этого вопроса ожидал.

– Если вы не хотите отвечать, я пойму.

Я только отмахнулся.

– Седые волосы – это все генетика. Мой отец поседел, когда ему было чуть за двадцать. То же самое было с дедом. Я поседел в двадцать один.

– Я не это имел в виду. Почему вы не красите их? Вам ведь сколько – немного за тридцать? Вы можете себе это позволить. Вам же не нужно строить из себя молодого, как это делают всякие лузеры.

На этот вопрос я мог ответить с разной степенью правдивости. Самая настоящая правда снова возвращала меня в ту комнату в Сен-Квентин, где казнили отца. Его последние слова были обращены прямо ко мне. Он посмотрел мне в глаза через стекло и одними губами произнес: «*Мы одинаковые*». Я знаю, что он провоцировал меня, но я буду нечестен сам с собой, если скажу, что в его словах нет доли правды.

Я неспроста один из лучших криминалистов в мире. Да, я прошел хорошую школу в Куантико, но это только небольшая часть успеха. Я хороший специалист потому, что знаю

образ мыслей серийных убийц. Но и это еще не все. Я не просто знаю, как они мыслят, — я могу поставить себя на их место. В моей ДНК есть что-то такое, что позволяет мне быть с этими чудовищами на одной волне. И это что-то мне передал отец.

Но я не был готов делиться всем этим с Тэйлором при первой же встрече. Меньшей правдой было бы сказать ему, что я не крашу волосы, потому что так делал отец. Но и это было слишком для меня.

— Вот ты почему горбишься при ходьбе? Почему пальцы сжимаешь в кулак?

— Не понимаю, о чем вы.

— Большинство людей идут по широкой дороге жизни. Но время от времени встречаются те, кто существует с краю. Аутсайдеры. У нас с тобой больше общего, чем ты можешь себе представить.

— Ну да, сравнили, — фыркнул Тэйлор. — Вы — гениальный криминалист, и я — начинающий коп. Не сомневаюсь, нас все будут путать. И это вы еще не развернулись во всю мощь.

— Я сказал, у нас есть общее, а не то, что мы одинаковые. Это большая разница. Ты выделяешься, потому что ты размером с гору. Я выделяюсь, потому что я хороший специалист и мой отец убил пятнадцать женщин. Ты стараешься казаться меньше, поэтому горбишься и прячешь руки.

— А вы, напротив, стараетесь выделяться. Поэтому вы не красите волосы и одеваетесь, как будто гранж играет.

– Гранж? – удивился я.

– Вы понимаете, о чем я. Дизайнерские джинсы, стоптанные ботинки, футболка, кожаная куртка, волосы еще эти, – засмеялся Тэйлор. – Можно, конечно, подумать, что вы из помойки вылезли, но для создания такого образа нужно какое-то время.

Это была смешная шутка.

– Ладно, – продолжил Тэйлор. – Вот еще вопрос: у вас уже есть предположения, кто этот злодей?

– Есть пара идей, но пока я не хочу ими делиться. Не дожидаясь твоего вопроса, скажу: причина моего молчания в том, что ошибочное описание преступника – верный путь к провалу расследования. Я должен увидеть место преступления, а до этого момента даже не буду открывать рот.

– Он, по идее, умен. Непросто спрограммировать такую страничку.

– Перестань провоцировать меня.

Тэйлор проигнорировал мое замечание.

– То есть мы ищем человека с компьютерными навыками выше среднего. Я бы точно не смог сделать сайт с обратным отсчетом, не говоря уже обо всей этой виселице.

– Ты на самом деле хочешь продолжать?

Тэйлор кивнул с серьезным видом.

– Аутсорсинг, – сказал я, чем явно озадачил его. – Ты был прав только в одном: он умен. Сколько человек в Игл-Крике смогут сделать такой сайт? Скорее всего, ноль. Но так и

быть, давай допустим, что двое или трое. В этом случае нужно только их найти и допрашивать до тех пор, пока кто-нибудь не расколется и не признается. Все, дело закрыто. Нет, даже если он продвинутый компьютерщик, он точно не станет рекламировать этот факт. Он гораздо умнее.

– То есть он, как и все, аутсорсит, – вздохнул Тэйлор. – Он нашел программиста где-нибудь в Мумбаи, Таиланде или на Филиппинах, который за гроши написал ему код. А мы можем потратить на его поиск год, и это все равно ничего не даст. Да, надо признать, это было тупо с моей стороны.

У Тэйлора было лицо, как у щенка, которого отругали за то, что он грыз диван.

– Не казни себя. Конечно, нам здорово облегчило бы жизнь, если бы этот парень был каким-нибудь компьютерным гением, которых в комиксах рисуют. Но, к сожалению, так просто никогда не бывает.

Тэйлор закатил глаза с видом «как будто я не знаю» и сразу стал выглядеть гораздо старше.

– А если мы не найдем место преступления, Уинтер? Что тогда?

– Найдете. Поджигатель любит устраивать шоу и работать напоказ. Он думает, что умнее нас, и захочет это продемонстрировать.

– То есть мы найдем место преступления, потому что он так хочет?

– Именно. Что ты можешь сказать мне о Сэме Гэллоуэе?

– Ничего, кроме того, что написано в документах, которые вам шериф Фортье прислал.

Я презрительно фыркнул и покачал головой.

– Что можно понять из документов? Только то, что лень родилась раньше нас. При написании отчетов все идут по пути наименьшего сопротивления. Ведь писанина отнимает уйму времени, а в сутках всего двадцать четыре часа. Никогда не верь официальным документам – это отписки.

– Хорошо.

– Сэм Гэллоуэй, – напомнил я.

– Рост метр семьдесят семь, сорок два года, черные волосы со значительной сединой.

Я еще раз наигранно зевнул:

– Скучно. Мне не нужно знать размер его рубашки, мне нужно знать, каким человеком он был. Что его мотивировало, зачем он утром с постели вставал.

– Он юрист, женат двадцать лет, трое детей – сын и две дочери.

– Ну вот, уже теплее. Враги у него были? Дети-наркоманы?

– А мне откуда знать?

– Оттуда, что в Игл-Крике живет меньше десяти тысяч человек, и Сэма только что убили. Это значит, что сейчас по городу гуляют самые разные слухи.

– Полицейские должны работать с фактами, а не со слухами.

– Узнаю чей-то поучающий голос – должно быть, Фортье? Тэйлор кивнул.

– Забудь, что говорит Фортье. Полицейские работают не с фактами, а с информацией. Факты – это, конечно, прекрасно, но слухи могут быть не менее полезны.

Тэйлор немного подумал и покачал головой:

– Не слышал, чтобы у него были связи на стороне. Брак был крепкий. Дети тоже чисты. Им от десяти до пятнадцати лет, и они совершенно нормальные – ни наркотиков, ни арестов, ни ранних беременностей. Что касается работы, то Гэллоуэй занимался самым скучным аспектом права – разводы, наследства, собственность и все в таком духе. Он не в уголовной сфере работал, где можно было бы нажать кучу врагов.

– Ну, одного он все-таки нажил.

– Может, это было случайное убийство?

– Нет, не случайное. Совершивший это преступление человек – хорошо организованный серийный убийца. Он ничего не делает без причины.

– Разве не нужно убить хотя бы троих человек, чтобы получить статус серийного убийцы?

– Это мелочи. Поверь мне, он серийный убийца. Помнишь видео, которое пришло вместе с письмом? Я так понимаю, вы его проверили?

– Не я лично, но да, его смотрели подробно.

– И ничего не нашли?

– Ничего, – медленно покачал головой Тэйлор.

Я потер руки.

– Ладно, готов немного повеселиться? Лучше пристегнись.

– Что вы задумали? – подозрительно прищурился Тэйлор.

– И бортпроводнице скажи, чтобы пристегнулась.

– Вы же сами говорили, что ремни безопасности ничем не помогут.

– Я сказал, что они не помогут, если мы будем падать. Заверяю тебя – в ближайшее время мы точно падать не будем.

Я вскочил с сиденья и пошел в переднюю часть самолета. После 11 сентября пилоты пассажирских самолетов обязаны запирают дверь кабины. Но мы-то были не в пассажирском самолете, здесь правила были другие. Для богатых – свои законы. Я отрывисто постучал в дверь и вошел.

Пилоту было около шестидесяти, и по всему его виду было понятно, что он – бывший военный. Он оценивающе рассматривал меня, обернувшись через плечо и пытаясь понять, друг я или враг. Или сумасшедший.

– Чем могу вам помочь?

Я улыбнулся:

– Послушайте, не хочу показаться бесцеремонным, но, по сути, вы сейчас просто водитель шикарного такси. Согласны? Единственная разница в том, что водить такси в Нью-Йорке гораздо опаснее.

Он прищурился и заговорил более прохладно:

– Что конкретно вы хотите сказать?

– Я хочу сказать, что у вас в руках – самая лучшая игрушка для мальчиков. В ней веселья – на пятьдесят миллионов долларов, а вы летите так, будто везете группу пенсионеров на пляж во Флориду. Это же просто убийственно скучно.

Лицо пилота и все его тело расслабилось. Он понимающе улыбнулся.

– Да, сэр, бывает так, что становится несколько однообразно.

– Тогда почему бы до пункта нашего назначения нам не полететь так, как если бы это был ваш самолет?

– Я не могу этого сделать.

– Конечно, можете. Более того, готов поклясться, что каждый раз, когда вы садитесь за штурвал, вы мечтаете именно об этом. По сравнению с истребителем летать на этом самолете невероятно скучно.

– Откуда вы знаете, что я управлял истребителем?

– Считайте, что у меня есть дар.

Я заговорщически улыбнулся. Пилот какое-то время смотрел на меня, а потом по его лицу медленно расплылась улыбка.

– Возвращайтесь в кресло, пристегнитесь и крикните мне, когда будете готовы.

Я бегом вернулся на место, пристегнулся и улыбнулся Тэйлору.

– Ты себе не представляешь, сколько раз я мечтал об этом,

когда работал в ФБР.

– Что, черт возьми, вы затеяли, Уинтер? – Тэйлор затянул свой ремень так туго, насколько это было возможно.

– Увидишь. Готовы! – заорал я пилоту. – Мы здесь, все готовы.

От первой бочки у меня перехватило дух.

На подлете к Дейтону самолет снизился, и я смог рассмотреть округ во всей красе. Мы пересекли границу между Арканзасом и Луизианой на высоте всего девятисот метров, и можно было получить представление о рельефе, но без тех деталей, которые видны с трехсот метров. Мы пролетали леса, озера, фермы и холмы, которые никак не спутаешь с горами, и россыпи маленьких городков, соединенных двухполосными дорогами. Места было много, а людей довольно мало.

Считается, что у каждого штата есть своя изюминка, но все же у некоторых штатов она сильнее выражена. Луизиана – в тройке лидеров. Этой индивидуальностью гордятся и носят ее, как почетную медаль. Во-первых, это единственный штат, который поделен не на округа, а на приходы. Луизиана сложилась на месте испанских и французских колоний, и такое административное деление имеет римско-католические корни.

Французское и испанское влияние не ограничивается географическими рамками. Его можно увидеть в архитектуре, кухне и других проявлениях, заметных и не очень, которые и делают Луизиану столь непохожей на остальные сорок девять штатов.

Первое, что удивило меня в Дейтоне, – это отсутствие бо-

лот. Луизиана обычно ассоциируется с болотами и аллигаторами, каджунской кухней и Марди Гра. Фермы как-то не приходят в голову, хотя именно их я и видел – лоскутки полей разных оттенков зеленого и коричневого.

Дейтон расположен на шестьдесят метров выше уровня моря, а некоторые районы Нового Орлеана – на два метра ниже. Этот простой критерий делит штат на северную и южную части. По ощущениям, мы летели где угодно, но не над той Луизианой, которую я себе представлял.

Игл-Крик находился в самой южной части прихода Дейтон, в шестнадцати километрах к северу от шестиполосного шоссе I-20, которое пересекает северную часть штата с востока на запад. Город был организован так же, как тысячи других маленьких городов. Офисы, заводы и торговый центр находились на внешнем кольце, где земля была дешевле. Вокруг среднего кольца жили люди – там располагались многоквартирные и отдельно стоящие дома, школы, культурные центры, парки и стадион детской бейсбольной лиги. В центре находились административные здания.

К югу от шоссе раскинулись обширнейшие территории заброшенного нефтеперерабатывающего завода: серый бетон, выжженная земля и тонны стали сверкающих на летнем солнце конструкций из трубопроводов и емкостей. Параллельно шоссе I-20 шла железная дорога, делившая город четко напополам. Одна, уже не используемая железнодорожная ветка вела к нефтеперерабатывающему заводу.

В северо-западной части города, в идеально зеленом районе, стояли большие и дорогие дома. Они были достаточно удалены от шумного шоссе, от неприглядного старого завода, зато находились в непосредственной близости от полей для гольфа.

Мы повернули направо и оказались недалеко от аэродрома Игл-Крика. Несколько мгновений мы летели так низко над полями, что казалось, можно вытянуть руку и коснуться травы. Именно в такие моменты остро хочется верить, что пилот хорошо знает свое дело. Откуда ни возьмись появилась взлетно-посадочная полоса, и мы плавно приземлились.

Проехав мимо выставленных в ряд маленьких частных самолетов, мы въехали в ангар, который стоял в отдалении от других зданий. Как и «Гольфстрим», он был выкрашен в белый цвет, на нем не было никаких опознавательных знаков. Внутри него находились вертолет и черная патрульная машина, принадлежавшая, судя по надписям на ней, Дейтонскому отделению полиции. «Гольфстрим» подкатился к машине и остановился, заглушив моторы.

Было почти три часа дня. Перелет из Чарльстона до Игл-Крик занял ровно два часа. Я представил себе черный фон и белые цифры, ведущие обратный отсчет:

**09:06:34**

Выходя, мы попрощались с пилотом и бортпроводницей и сошли вниз. Меня тут же накрыла жаркая волна, как будто мы приземлились в тропиках. И пахло здесь соответствующе: керосином и изнемогающей под пеклом растительностью.

Я забрался в патрульную машину и сел на пассажирское сиденье. Тэйлор протиснулся на место водителя. Разделительной перегородки не было, и его кресло было отодвинуто назад насколько возможно, но все равно казалось, что Тэйлор пытается сесть в игрушечную машинку. Моя сумка и laptop были на заднем сиденье. Тэйлор завел мотор.

– Сью? – спросил я. – Ты мальчик по имени Сью.

– Вы о чем?

– О песне Джонни Кэша.

– Моим родителям больше нравится Мотаун.

– Ну, тогда Марвин? В честь Марвина Гэя. Марвин Тэйлор. Да, мне кажется, это хорошее сочетание.

Тэйлор засмеялся. Мы выехали из ангара, и звук двигателя стал больше похож на приглушенный рокот, чем на тарахтение. Солнечный свет заливал все вокруг, и я надел очки.

– Оставьте вы эту затею, Уинтер. Все равно не догадаетесь.

– Это похоже на вызов.

– Это не вызов, это факт.

– А ты готов свои слова подкрепить деньгами? Пятьдесят долларов.

– Пятьдесят? Это несерьезно. Как насчет двухсот?

– Ты уверен, что можешь позволить себе потерять двести долларов при твоей зарплате?

– Я точно не проиграю, – с утробным смехом сказал Тэйлор.

– Хорошо, вот тебе условия пари. Если я не угадаю твое имя к моему отъезду, я буду счастлив заплатить тебе двести баксов.

Я протянул руку, и Тэйлор снова мягко утопил ее в своей ладони.

– Можете прямо сейчас платить, Уинтер. Незачем зря терять время и силы.

Я улыбнулся и откинулся на спинку сиденья, наслаждаясь теплыми лучами солнца на лице.

– Будешь смеяться, я только что хотел сказать тебе то же самое.

Выехав с аэродрома, уже через пять минут мы были на главной улице города – Мейн-стрит. Мы двигались с юга на север и ни разу не превысили скорость. Первым зданием была церковь, а на первом же билборде красными полуметровыми буквами было написано: «ИИСУС УМЕР ЗА ТЕБЯ! ТЫ ГОТОВ УМЕРЕТЬ ЗА НЕГО?»

Обычно, стоит только забраться так глубоко на юг, тебя со всех сторон обступает нищета. Маленькие города просто вымирают, как после чумы, и это факт. Повсюду заброшенные, полуразрушенные здания, сплошь и рядом видишь заколоченные окна и двери магазинов. Частные дома – обветшалые, с грязными, запущенными лужайками и заржавевшими заборами из проволоки.

Но в Игл-Крике все было совершенно иначе. Куда ни посмотри, везде свежеекрашенные строения, окна которых блестят чистотой. Дорога настолько ровная и гладкая, как будто ее перекладывали неделю назад.

Парк в центре города располагался в окружении сверкающих под полуденным солнцем зданий – больших и серьезных сооружений серого и белого цвета, так контрастирующих с приземистыми двухэтажными домами на всем протяжении Мейн-стрит. Это были здания суда, мэрия и библиотека.

Центральное отделение полиции Игл-Крика находилось

по соседству со зданием суда. На парковке перед ним стояли несколько патрульных машин и внедорожник. Окружная полиция явно подсустилась в свое время и закрепила за собой черный цвет, в который окрашиваются машины и форма, поэтому городскому управлению пришлось довольствоваться желтым. Черная машина смотрится более выигрышно. Как и все остальные объекты Мейн-стрит, автопарк полицейского управления сверкал так, как будто только что сошел с конвейера.

В центре парка стоял белый памятник какому-то строгому мужчине, и рядом на флагштоке висел национальный флаг. Ветра не было совсем, и флаг просто безжизненно свисал с флагштока. Его цвета были настолько яркими, что слепили глаза. Трава была пострижена так идеально, что хоть в гольф на ней играй.

Мы продолжали продвигаться на север, и здания снова сменились на двухэтажные. На первых этажах располагались магазины, на втором – квартиры. Полицейский участок окружного управления располагался в большом здании в северном конце Мейн-стрит.

Тэйлор въехал на парковку за зданием и встал рядом с другими полицейскими автомобилями. Слева от нас их было четыре, а справа – пять. Модельный ряд представляли седаны и внедорожники, при этом самой старой машине было года два, не больше. Подобный автопарк предполагал инвестиции в размере сотен тысяч долларов.

На другой стороне парковки в два ряда стояли автомобили, не принадлежащие полицейскому управлению. Среди них новых машин не было. По большей части им было больше пяти лет. Почти все были американского производства самых разных марок, моделей и состояний. За одними хозяева ухаживали любовно и ревностно, а другие машины явно требовали внимания.

Выйдя из машины, мы оказались в самом пекле. По моим предположениям, было не меньше сорока градусов. Полуденное солнце жарило так, что было трудно дышать. Я вспотел, не успев даже пересечь парковку. Оказавшись в спасительной прохладе кондиционируемого помещения, я вытер капли пота со лба. Было и впрямь очень жарко, но убивала не жара, а влажность.

Диспетчер за стойкой сообщил, что шериф Фортъе нас ждет. Тэйлор повел меня через лабиринт коридоров к двери из дымчатого стекла и нанесенной трафаретом надписью: «Шериф Питер Фортъе». Тэйлор постучал, и голос по ту сторону велел нам войти.

Оформление офиса Фортъе было безукоризненно. Впрочем, то же самое можно было сказать и про остальные помещения участка. Львиную долю пространства занимал аккуратный дубовый стол и большое кожаное кресло. Лотки с входящими и исходящими документами были в полном порядке. Побеленные стены были и в самом деле белыми, а люминесцентную лампу явно недавно мыли.

Одна из стен была занята фотографиями лодок и рыб. На каждой из них присутствовал Фортье – либо стоя за штурвалом в потертой голубой кепке с вышитым красным якорем, либо в той же кепке, но уже демонстрируя дневной улов. Я заметил огромную разницу между хмурым человеком, сидящим сейчас за дубовым столом, и улыбающимся загорелым рыбаком на фотографиях.

Фортье вышел из-за стола и пожал мне руку. У него была медвежья хватка, и я был готов услышать хруст костей. Он исподтишка осмотрел меня с ног до головы, явно стараясь сделать это незаметно для меня. Но я привык, что меня рассматривают, поэтому никаких отрицательных эмоций не испытал.

Пока Фортье осматривал меня, я наблюдал за ним. Ему было около пятидесяти пяти, рост метр шестьдесят пять, то есть на десять сантиметров ниже меня и на целых тридцать пять сантиметров ниже Тэйлора. Поставь нас в ряд – и мы были бы похожи на трех медведей. У него были седые волосы и красноватая кожа, загоревшая за время долгих рыбалок. Кожа была упругая, сияющая, на щеках – румянец. Форма была в безукоризненном состоянии, сидела на нем идеально. Ботинки были вычищены до блеска.

При этом он выглядел уставшим, как будто из него выбили всю мощь. Вряд ли он будет выдвигать свою кандидатуру на пост шерифа на следующий срок. И даже если раньше у него были другие планы, случай с Сэмом Гэллоуэем склонил

чашу весов в другую сторону. Ему явно хотелось забыть о проблемах реального мира, чем он, скорее всего, и занимался, рассматривая целыми днями фотографии на стене и мечтая о том, чтобы всю оставшуюся жизнь ловить марлинов и пить бурбон.

– Спасибо, что нашли возможность приехать так быстро, – сказал Фортъе.

– Пожалуйста.

– Должен признать, я удивлен. Когда я писал вам, я почти что не рассчитывал на успех. Я знаю, что вы работаете с серийными убийцами, а в нашем случае он не серийный... Но я знал, что вы в Южной Каролине, и, раз уж от Чарльстона до нас всего один небольшой перелет, я подумал, а почему бы и нет. Я ничего не теряю. В общем, если мы чем-то можем помочь или вам что-то понадобится, только скажите.

Речь звучала заранее отрепетированной, будто он все утро ее повторял.

– Серийные преступники, – сказал я.

– Не понял?

– Любые серийные преступники – я работаю со всеми: похитители детей, насильники, поджигатели, убийцы. Неприятно приносить плохие новости, но и в вашем случае речь идет именно о серийном убийце.

– Как вы это поняли?

– Потому что убийство Сэма – театральное представление. Вот вам вопрос: что случится, когда обратный отсчет

закончится на нуле? – по его выражению лица было видно, что этот вопрос уже приходил ему в голову, и он пришел к тому же ответу, что и я. – Если его не поймать, причем быстро, он будет убивать снова и снова. Он будет продолжать до тех пор, пока его не остановят. Поверьте, Сэм – это только начало.

– То есть вы не думаете, что это разовый случай?

– Без вариантов.

Фортъе на глазах как будто уменьшился в размерах. Очевидно, он надеялся на другой ответ. В то же время ничего из сказанного мною не стало для него сюрпризом. Если бы это убийство было разовым, это облегчило бы ему жизнь. Одно убийство – это, безусловно, головная боль, но серия грозила стать настоящим кошмаром.

– Как отреагировала пресса? – спросил я.

– Пока все тихо. В городе выходит еженедельная газета «Вестник Игл-Крика». Ее чуть ли не в одиночку издает Гарри Спиндлер, и он чаще пьет, чем пишет. Следующий номер выйдет только на следующей неделе. И если к тому времени у него будет что поместить на первую полосу, у нас никаких проблем возникнуть не должно.

– А окружная пресса?

– Ближайшие крупные города – Шривпорт и Монро. В Игл-Крике редко что-то происходит, поэтому сомневаюсь, что тамошние журналисты найдут наш город на карте.

– Но наш случай грозит стать исключением.

– Я уверен, что, если они появятся здесь, я все улажу.

Я не сомневался, что так оно и будет. Мой опыт говорил о том, что среднестатистический шериф на пять процентов является полицейским и на девяносто пять – политиком. Хоть Фортье и производил впечатление человека в безнадежной ситуации, он накопил достаточно опыта, чтобы, не напрягаясь, общаться с прессой.

– Задача – избежать огласки дела как можно дольше, – сказал я. – Этому парню нужна аудитория, а если мы оставим его без зрителей, то, возможно, заставим его совершить какую-нибудь глупость для привлечения внимания. А чем больше ошибок он совершит, тем легче будет его поймать.

Фортье улыбнулся и на долю секунды превратился в себя тридцатилетней давности – амбициозного и целеустремленного мужчину, не ограничивающегося мечтами о рыбацком счастье.

– Сделаю, что смогу.

– То же касается и сайта. О нем никто не должен знать, потому что он тоже служит для привлечения внимания. На данный момент кто знает о его существовании?

Улыбка тут же исчезла, и передо мной снова стоял пожилой человек, мечтающий о марлинах и бургоне.

– Слишком многие. Все отделение, и я сказал начальнику полиции. И конечно, мэр – ему нельзя было не сказать.

– Наша задача – свести ущерб к минимуму. Попросите никого не распространяться на эту тему. Сомневаюсь, что

все так и сделают, но мало ли.

— Лошади в любом случае выскочат из незапертой конюшни, — покачал головой Фортъе. — Надо было мне все продумать.

— Судя по тому, что у вас на парковке не высадили десант СМИ, они еще не знают о сайте. Он заинтересовал бы их гораздо больше, чем убийство адвоката, это точно. Кто знает, может, и удастся избежать утечки информации. — Я немного подумал и добавил: — Глупый вопрос, но я правильно понимаю, что в городе уже все знают об убийстве Сэма Гэллоуэя, так?

— А вы как думаете? — фыркнул Фортъе.

— В таком городке, думаю, было бы чудом, если бы не знали. А в чудеса я не верю.

— Мы еще ваш гонорар не обсудили.

— Не волнуйтесь. Я обычно исхожу из цифры, которую люди могут себе позволить. Для меня дело важнее денег. Обещаю, я вас не разорю.

— Хотел бы я посмотреть на вашу попытку, — захихикал Фортъе.

— В каком смысле?

Шериф отмахнулся от моего вопроса.

— Пришлите чек, когда закончите, и включите в него все свои расходы. Я так понимаю, вам понадобится какое-то время на раскачку, прежде чем вы готовы будете дать нам поисковый портрет.

Я посмотрел на Тэйлора, подождал, пока он поймает мой взгляд, и сказал:

– Офицер Тэйлор меня уже раскачал во время полета. Я готов озвучить портрет в любое удобное вам время.

Шериф Фортъе провел нас по коридору и остановился перед такой же дымчатой дверью с такой же золотой надписью, как и у него. Только эта надпись гласила: «Капитан Энтони Шеперд, уголовный розыск». Шериф постучал в дверь и вошел. Шеперд говорил по телефону. Взглянув на нас, он дал понять, что заканчивает разговор, и через несколько секунд повесил трубку.

Мы прошли процедуру знакомства и рукопожатий. Шеперд не стал исключением и с любопытством уставился на меня. Ему было около сорока пяти, он был строен, подтянут, черные с проседью волосы напомнили мне соль с перцем. Усы были аккуратно подстрижены, он носил очки в черной толстой оправе. На нем был коричневый костюм из льняной полосатой ткани, белая рубашка и красный галстук.

В отличие от Фортъе, у Шеперда было еще немало пороха внутри. Я не удивился бы, если бы узнал, что он иногда пробирается в офис Фортъе и примеривается к его большому кожаному креслу.

Шеперд выглядел напряженным, но причина лежала на поверхности. В Дейтоне последний раз человека убивали десять лет назад. За весь прошлый век было зафиксировано всего двадцать убийств – одно в пятилетку. И все прошлые убийства были совершены людьми, которые были знакомы

с жертвами, – мужем, братом, другом. Два раза жены убили мужей. Ничего необычного – в большинстве случаев жертвы знают убийц.

Убийство Сэма Гэллоуэя было не похоже ни на одно из них. Хотя на двери Шеперда и висела красивая золотая табличка с его именем, но в реальности отдел уголовного розыска дейтонской полиции состоял из Шеперда и двух следователей, и, в основном, им приходилось заниматься редкими случаями краж со взломом и продажей наркотиков старшими школьниками.

– Мистер Уинтер готов дать поисковый портрет, – сказал Фортъе.

– Так скоро?

– Я работаю быстро, – сказал я и почувствовал, как Тэйлор сверлит мне глазами затылок. – И, пожалуйста, зовите меня просто Уинтер. Когда слышу «мистер», чувствую себя старым.

– Пусть будет Уинтер. Нам будет удобнее в соседнем кабинете. Там больше места.

Фортъе взглянул на часы.

– К сожалению, сейчас у меня встреча. Тони, ты мне обо всем расскажешь.

– Да, сэр.

На этот раз Фортъе правой рукой пожал мне руку, а левой похлопал по плечу. Так обычно делают политики, как бы говоря: «Я к вашим услугам».

– Уинтер, было очень приятно познакомиться. И не забывайте о том, что я сказал. Если вам что-то понадобится, только скажите.

– Так и сделаю.

Мы вышли из офиса. Фортье повернул направо и быстро пошел по коридору. Встреча была настолько важной, что он не мог позволить себе опоздать. А ведь он был одним из самых больших начальников в городе, над ним стояли только его жена и мэр. Я был уверен, что он встречался с мэром – возможно, чтобы ввести его в курс хода расследования. Правда, похвастаться ему пока было нечем.

Шеперд подвел нас к соседнему кабинету и вошел без стука. Там было двое полицейских в штатском – оба мужского пола, за тридцать, черноволосые и голубоглазые. Их можно было бы принять за двойняшек, если бы на талии одного из них не было лишних тридцати сантиметров.

Судя по мокрым разводам вокруг подмышек, все утро они провели в городе, играя в детективов, и сюда их позвали, чтобы познакомить со мной. Когда в таком маленьком местечке случается убийство, следователям не позволят бездельничать в отделении.

Их рабочие столы упирались в стену, что было большой ошибкой, потому что они оба были вынуждены проводить большую часть рабочего дня спиной друг к другу. Столы нужно было развернуть лицом и поставить посередине кабинета, чтобы они могли видеть друг друга. Мозговые штурмы

дают гораздо больший эффект, если участники имеют возможность видеть друг друга.

Когда мы вошли, они повернули головы и посмотрели на меня, как в школе обычно смотрят на новичков – со смесью подозрения и любопытства, словно говоря: «Ты кто такой, что ты о себе возомнил?» К этому взгляду я тоже привык.

После ареста отца мама пустилась в бега – с того самого дня, когда его арестовали, и до тех пор, пока она не спилась и не умерла. С одиннадцати до семнадцати лет я сменил пятнадцать городов и десять штатов, поэтому я давно привык быть новичком. Но каждый раз, попадая в такую ситуацию, как сейчас, я словно снова возвращаюсь в школу. Наверное, я всегда буду новичком, до самой смерти.

Шеперд повернулся к Тэйлору и отрезал:

– Ты можешь идти.

– Вообще-то, – вмешался я, – если вы не возражаете, я бы предпочел, чтобы он остался. Я предполагаю, что подозреваемый – серийный убийца. Если это так, нам потребуется как можно больше помощников.

По форме мои слова были просьбой, но мы оба знали, что по сути просьбой они не являлись. И все присутствующие тоже это поняли. Тэйлор замер на месте, на полпути к двери, не зная, что ему делать. Все смотрели в его сторону.

– Хорошо, можешь остаться, – сказал Шеперд.

– Серийный убийца? – переспросил худой парень.

– Это Баркер, – кивнул в его сторону Шеперд.

– А это Ромеро, – указал он на второго полицейского.

Порядок представления сказал мне об их неофициальной иерархии все, что мне было нужно знать. Шеперд был сверху, затем шел Баркер и замыкал Ромеро. Тэйлор даже не фигурировал на радаре, что было полным идиотизмом. Это было объяснимо, принимая во внимание, что он играл роль мягкотелого великана. Но все же это был идиотизм, потому что он, по моим предположениям, был умнее, чем Баркер и Ромеро вместе взятые.

После рукопожатий я сел на подоконник, поскольку других мест для сидения просто не было. Баркер и Ромеро явно не собирались освобождать свои стулья в обозримом будущем, и не было похоже, что Шеперд собирался их оттуда согнать. Даже сидя за опущенными жалюзи, я ощущал, как пекло солнце. Время было три двадцать две. Я представил себе веб-сайт: белые цифры, отсвечивающие на черном экране, и очередную фигурку висельника.

**08:32:23**

– Пока есть только одна жертва, но будут новые. Думаю, следующая появится где-то через восемь с половиной часов.

– Имеете в виду, что обратный отсчет на сайте означает время, когда он убьет следующую жертву? – спросил Шеперд.

– Есть другие варианты?

– Но это безумие. Зачем вообще творить такое?

– Во-первых, вам нужно понять, что серийные убийцы мыслят не так, как нормальные люди. Все их действия продиктованы фантазиями. Именно они и управляют их поступками. Что нам кажется безумием, для них – вполне оправданно, потому что соответствует их фантазии. Кто-нибудь из вас слышал про Ричарда Трентона Чейса?

Все трое покачали головами. Тэйлор долю секунды стоял неподвижно, затем проделал то же, что и остальные. Иногда соврать можно, даже не открывая рта.

– Ричард Чейс – серийный убийца, орудовал в семидесятых. После оглашения приговора с ним беседовало ФБР. Чейс считал, что его кровь превращается в порошок, и ему нужна была кровь его жертв, чтобы восполнить запасы собственной крови. Он рассказал об «отравленной мыльнице». Когда его спросили, что это такое, он сказал, что по ней можно определить, кто тоже отравлен. Если нижняя сторона мыла влажная и скользкая, то ты не отравлен. Если мыло сухое, значит, ты заражен и твоя кровь превращается в порошок.

– Да уж, вот где настоящее безумие, – сказал Баркер.

– Для нормальных людей – да, но я хочу сказать, что эта фантазия была реальностью для Чейса. В нашем случае убийца уже натворил достаточно безумных вещей, если смотреть на них с точки зрения обывателя, – обратный отсчет, видеозапись убийства и пересылка ее полиции, выбор

из всех возможных способов именно поджога. Чтобы поймать его, нужно забыть о том, что является безумием, и концентрироваться на том, о чем нам говорят его поступки.

– И о чем нам говорят его поступки? – спросил Ромеро.

– Что он точно не безумец. Есть два типа серийных убийц – организованные и дезорганизованные. Чейс был классическим примером второго типа, у него была параноидальная шизофрения. Он не планировал убийства. Первую жертву он застрелил, просто проезжая мимо. Кому-то просто не повезло оказаться не в том месте, не в то время. И то же самое можно сказать о его следующих пяти жертвах. Не то место, не то время.

– Так и про Сэма Гэллоуэя то же самое можно сказать, – отметил Баркер.

– Это ошибочное представление. Тот, кто убил Сэма, очень хорошо организован. Все, что он делает, имеет цель.

– Что вы можете сказать нам о преступнике? – спросил Шеперд.

– Это белый мужчина, метр семьдесят пять, ему за тридцать. Худой, с высшим образованием.

– Эй, Баркер, похоже на тебя, – крикнул Ромеро через весь кабинет.

– У меня надежное алиби, – заорал в ответ Баркер, – я провел ночь с твоей женой.

– А ну, оба, хватит, – Шеперд повернулся ко мне. – Хорошо, что еще?

– Пока все. Мне нужно увидеть место преступления или тело. А лучше и то, и другое. Нужно весь свободный персонал отправить на поиски.

– Может, нам повезет, и мы найдем его до того, как он убьет следующую жертву.

– А может, Санта-Клаус и Белоснежка все-таки существуют.

Шеперд пристально взглянул на меня.

– Я не верю в удачу. Никогда не верил и не поверю. Удача – это последняя соломинка для тех, кому не хватает воображения. Я верю в работу. Только так мы сможем его поймать – честно и добросовестно отработав все версии.

Шеперд открыл рот, и я уже знал, что он сейчас скажет. За годы работы я столько руководителей вывел из себя – иногда случайно, иногда намеренно. В этот раз это вышло случайно. Но плюс был в том, что я узнал, какой у Шеперда запас терпения. В любой ситуации я предпочитаю знать, где именно проходит граница.

– Капитан Шеперд, – сказал я, уважительно и смиренно, как образцовый бойскаут. – Можно с вами переговорить в вашем кабинете?

Мы молча прошли в соседний кабинет. Плечи Шеперда были напряжены, движения скованны. Он был очень раздражен, и мне было понятно почему. Когда мы выходили, Тэйлор поймал мой взгляд. Выражение его лица было нейтральным, но шестеренки в его голове вращались, а в глазах стояли вопросы. Он пытался понять, что я задумал.

Шеперд закрыл за нами дверь, сел за свой стол и указал мне на место напротив. Погладив усы, он посмотрел мне прямо в глаза.

– Значит, последняя соломинка для тех, кому не хватает воображения?

Я выдержал его взгляд и ничего не сказал.

– Мне не нравится, когда меня выставляют дураком перед подчиненными.

– Уверяю вас, у меня не было такого намерения.

– Было или не было, но выглядело это именно так.

– Я знаю. Просто иногда я настолько глубоко погружаюсь в мысли о деле, что говорю не думая. Я не хотел проявлять неуважение.

Шеперд раздумывал над сказанным какое-то время, и в кабинете повисла напряженная тишина. Он продолжал смотреть на меня, а я на него.

– Вы видите во мне провинциального копа, которому это

дело просто не по зубам. И, знаете, вы правы. У меня нет опыта работы с преступлениями такого масштаба, мне не на что опереться. А у вас, напротив, такой опыт есть. Если единственный способ поймать этого ублюдка – терпеть ваши прихоти, я готов.

Он снова замолчал, еще раз погладил усы и еще более пристально взглянул на меня.

– Однако я прошу вас больше не унижать меня перед подчиненными.

– Все понял.

Шеперд откинулся на спинку кресла и покачал головой.

– Я просто не понимаю. Как такое можно сотворить? Вылить бензин на другого человека, отойти и смотреть, как он горит? Это больной человек, – снова покачав головой, сказал он и посмотрел на меня. – Как вы с этими ужасами работаете изо дня в день и с ума не сходите? Как вы по ночам спите?

– Виски и снотворное. И кто сказал, что я не схожу с ума?

Шеперд чуть не засмеялся.

– И это работает – снотворное?

– По большей части.

– Я просто хочу, чтобы этот кошмар закончился и все вернулось на круги своя.

– Я тоже хочу того же самого. Вы планировали дать мне в пару Баркера, да?

– Он хороший специалист, никого лучше у меня нет.

– Нет, не хороший.

– Но он намного лучше Ромеро.

– В этом я ни секунды не сомневаюсь.

– Тогда почему же вы хотите работать с Ромеро, а не с Баркером?

Прошло какое-то время, прежде чем до него дошло.

– Вы не хотите работать ни с тем, ни с другим. Вам нужен Тэйлор.

Я кивнул.

– Почему? Он же новобранец. У Баркера семнадцать лет опыта.

– У меня есть причины.

– Я бы хотел о них узнать.

– Вы недавно говорили, что готовы терпеть мои прихоти, – улыбнулся я. – Пришло время начать.

– Хорошо, берите Тэйлора. Но если передумаете, я смогу устроить вам Баркера.

– Я не передумаю. В этом деле меня будет сопровождать Тэйлор.

Я встал и направился к выходу. У двери я остановился:

– И еще одно. Я так понимаю, вы не знаете, как его зовут?

Пока мы шли к машине, Тэйлор не вымолвил ни слова. Так же молча он завел ее и выехал с парковки. В полной тишине, под мерный рокот двигателя и шорох асфальта под шинами, мы проехали по Мейн-стрит, миновали административные здания и белую статую строгого мужчины. Машин было мало, и уже через несколько минут мы подъехали к отелю «Империял» в южном конце улицы. Тэйлор заглушил двигатель.

– Рано или поздно вам все равно придется рассказать мне, что вы задумали, – сказал он.

– Ты прав. Но не сейчас.

Я открыл пассажирскую дверь и вышел в пекло, стараясь не дотрагиваться до раскаленного металла дверцы.

– Подожди меня, я зарегистрируюсь и выйду.

Тэйлор показал на мою сумку на заднем сиденье.

– Вы ничего не забыли?

– Нет, – ответил я и захлопнул дверь.

Судя по расположению, отель «Империял» был построен относительно недавно по сравнению с остальными зданиями на Мейн-стрит, примерно в пятидесятые годы прошлого века. Центральную площадь окружали самые старые здания, а чем дальше от нее, тем современнее были постройки. Таков закон разрастания любого города. Хотя двери «Империяла»

открылись сразу после Второй мировой войны, окна отеля и фасад все еще блестели как новенькие.

Как только я из ослепительно солнечного дня погрузился во мрак отеля, меня окатило потоком холодного воздуха. Внутри, благодаря тяжелой каменной кладке стен, было темно и прохладно, как в гробнице. Я сдвинул на макушку солнцезащитные очки и подошел к ресепшен. Все было декорировано темным деревом, свет ламп глушили зеленые абажуры. Ковер изначально был красным с золоченой отделкой, но из-за регулярных чисток цвета поблекли. Если снаружи отелю можно было дать шестьдесят с небольшим, изнутри он выглядел на все сто шестьдесят.

Регистрация заняла пару минут. Консьерж выдал мне ключ с деревянным брелоком с выгравированной на нем надписью: «Сенаторский люкс».

Прежде чем я соглашаюсь на участие в расследовании, я выдвигаю два условия. Первое – для проживания мне предоставляют люкс, а не просто комнату в отеле. Причиной этого требования стал опыт работы в ФБР. Несмотря на многомиллиардный годовой бюджет этой организации, на федеральных агентах сэкономили, как могли. Я сменил несчетное количество дешевых комнат, поэтому теперь всегда настаиваю на люксе. Да, я веду кочевой образ жизни, но это не означает, что я должен жить в палатке.

Второе условие – бутылка односолодового виски не моложе двенадцати лет, хотя я однозначно предпочитал выдержж-

ку от восемнадцати лет.

Я сказал консьержу, что мой багаж прибудет позже, и вернулся на свое пассажирское сиденье. Тэйлор сидел с включенным двигателем, кондиционер работал на полную мощность. Он смотрел, как на экране его мобильного телефона вешалась очередная фигурка человека.

– Томми Тэйлор. С твоими-то размерами с таким именем ходить достаточно стыдно. Маленький Томми Тэйлор – само напрашивается, как думаешь?

Он оторвался от телефона.

– То есть Шеперд ничем не смог вам помочь?

– А кто сказал, что я спрашивал Шеперда?

Тэйлор повел бровью.

– Мне нужен другой отель.

– Зачем? Этот – лучший в городе.

– Я знаю, и для твоих коллег я в нем и живу.

– Вы хотите, чтобы я врал.

– Только если они спросят.

– И, я так понимаю, вы еще не готовы поделиться со мной своим планом.

– Скоро я это сделаю. Итак, ты знаешь, где мне можно остановиться? Мне нужно тихое место, где мое пребывание останется незамеченным и где не задают лишних вопросов.

– Да, знаю.

Тэйлор нажал на педаль, и мы выехали на дорогу. Повернув направо через пятьсот метров, уже через пять минут мы

были у железнодорожного переезда. Миновали его и оказались в другой части города.

Дороги здесь были все еще в хорошем состоянии, но уже далеко не так безупречны, как на Мейн-стрит. Здесь встречались выбоины и мусор. Состояние домов соответствовало ожиданиям от достаточно зажиточного района, где живут «белые воротнички». За некоторыми домами ухаживали так, что они были похожи на дворцы: свежая покраска, аккуратно подстриженная трава и флаг, неподвижно свисающий с флагштока безветренным днем. Но были и потрескавшиеся дома с прорехами в черепичной крыше, облупившейся до дерева краской и нестриженными газонами. Большая часть домов была в среднем между этими двумя крайностями состояния.

По обеим сторонам Морроу-стрит располагались бары – двухэтажные серые здания с затемненными окнами. Между ними промелькнула парочка небольших гостиниц и закусочных, но в основном улица состояла из баров. Мы явно находились в темном царстве Игл-Крика. В каждом городе есть такое место, потому что каждый город в нем нуждается. Здесь студенты, которым очень хочется выпить, могут достать себе поддельные документы, а похотливые мужчины при деньгах – снять напряжение. Если вдруг захотелось покурить травку, то вам сюда. Проехав больше половины улицы, мы остановились у небольшой гостиницы. Дверь и оконные рамы были ярко-красными – удар цветом по всеобщей

серости. Не менее яркая и эмоциональная вывеска над дверью гласила: «У Ханны». Я вышел из машины, достал лэптоп и сумку, которую Тэйлор тут же забрал у меня, и мы направились к двери.

Было самое начало пятого, на улице не было ни души. Чувствовалось одиночество – как будто стоишь один посреди киношных декораций, которые вот-вот начнут разбирать. Некоторые бары зазывали на «счастливый час» с 17:30 до 19:30. Скорее всего, в этот промежуток времени и начинается некоторое оживление, а к девяти алкоголя будет выпито уже достаточно, и улица по-настоящему загудит. Сегодня, в среду, никакой активности не ожидалось. К тому же вчера вечером в городе произошло жестокое убийство, и жители предпочтут никуда не ходить без необходимости.

Внутри было прохладно, чисто и просторно. Напольная красно-белая плитка была выложена в шахматном порядке. Слегка пахло лимоном. В уголке под лестницей стоял красный кожаный диван. Атмосферу пятидесятых усиливали висящие на стенах черно-белые фотографии с голливудскими звездами: Мэрилин Монро и Тони Кертис, Рок Хадсон и Дорис Дэй, Пол Ньюман, Марлон Брандо. Мы подошли к ресепшен, и Тэйлор нажал кнопку старомодного медного звонка.

– Секунду, – донеслось из задней комнаты. Вышла девушка, которой было максимум двадцать пять, но выглядела она как минимум на тридцать. У нее были натруженные руки и стройная фигура – не от многочисленных часов в спортзале,

а от того, что без дела она не сидела.

Большие карие, оленьи глаза, светлые короткие, торчащие волосы. Стригла их она, видимо, сама. Пирсинг в носу и ушах, футболка с группой «Свиньи из помойки». Все было удобно и практично. Было видно, что у нее не было ни единого свободного часа в течение дня. Она не тратила время на парикмахерские, на расчесывание волос. Она просто не тратила время. Его было в обрез.

Я и сам такой же. Тоже хожу нечесаный, со свисающими на плечи волосами. Собраться – значит после душа провести по ним рукой пару раз.

Девушка увидела Тэйлора и улыбнулась, тут же сбросив с себя груз лишних, еще не прожитых лет. На несколько секунд она стала выглядеть на свой реальный возраст. У нее была неброская красота, которой ее пыталась лишить нелегкая жизнь.

– Привет, Ханна.

– Привет, Тэйлор.

– Джефферсон Уинтер, это Ханна Хэйдэн, – сказал Тэйлор, повернувшись ко мне.

– Ханна, это Джефферсон Уинтер, – повернулся он к девушке.

– Интересное имя, – сказал я. – Ты палиндром.

Она улыбнулась:

– Могу честно признаться – так меня еще никто не называл.

– Уинтеру нужен номер.

– Ему повезло, потому что они у нас как раз есть.

– Люксов у вас нет, как я понимаю? – спросил я.

– Они на третьем этаже, с прекрасными видами.

– Хм. Здание двухэтажное, то есть, видимо, люксов нет.

– Я могу дать вам наш лучший номер. Это не люкс, но в нем есть ванная.

– А шоколадные конфеты на подушке есть?

Ханна удивленно повела бровью.

– Ну, хотя бы батончик шоколадный есть? Просто обедал я давно, и у меня уровень сахара в крови падает.

Она недоуменно взглянула на меня и пожала плечами.

– Шоколадных конфет у меня нет, но батончик я вам найду.

– Тогда договорились.

Ханна оглядела меня с ног до головы и озвучила цену, которая, по моим оценкам, была процентов на двадцать выше, чем их обычный тариф. Я заплатил за две ночи и дал сверху еще сто долларов, развернув купюру так, что Бенджамин Франклин смотрел ей прямо в глаза.

– Я бы очень попросил, чтобы вы никому не говорили, что я здесь остановился.

– Конечно.

Деньги тут же исчезли.

Она дала мне ключ, и Тэйлор взял мою сумку еще до того, как я успел про нее подумать. Он провел меня на второй

этаж, по узкому коридору к самой дальней двери. Ханна была права – это был совершенно не люкс. Но номер был чистый, матрас – твердый, и в ванной не было следов инопланетной жизни. Конечно, этот номер не вошел бы в хит-парад десяти лучших, где мне доводилось останавливаться, да и даже в пятьдесят лучших не попал бы, но мне приходилось жить и в гораздо худших условиях.

Шторы были задернуты, чтобы комната не перегревалась. Их блики напомнили мне китайский фонарик. Тэйлор положил мою сумку на кровать, встал и посмотрел на меня.

– Мне нужны ответы, Уинтер.

– Могу себе представить! В противном случае я бы очень в тебе ошибся.

– Seriously, мне они нужны.

– И ты их получишь. Но сначала мне нужно, чтобы ты мне кое-что принес.

Я быстро зачитал ему список и передал ключи от сенаторского люкса в «Имперiale». Тэйлор подозрительно сощурился, словно пытался проникнуть в мой мозг.

– Если хочешь, могу все это записать, – предложил я.

Тэйлор недовольно смотрел на меня, не говоря ни слова.

– И переоденься. Форма только мешает.

Окончательно рассердившись, Тэйлор пошел к двери. Уже взявшись за ручку, он оглянулся:

– Когда я вернусь, мне нужны ответы.

Дверь захлопнулась, я услышал стихающие шаги Тэйлора. Следующие пять минут я переставлял вещи в номере по своему вкусу. Затем подсоединил к лэптопу динамики и включил опцию воспроизведения треков в случайном порядке.

Комната наполнилась звуками первого действия «Женитьбы Фигаро». Все начинается с того, что Фигаро замеряет место, где встанет его супружеская постель. Моцарт здесь очень игрив, и я всегда улыбаюсь в этом месте. Даже когда все плохо и я не могу отделаться от мрачных мыслей, это произведение всегда дарит свет.

Я позвонил Ханне, попросил ее принести кофе и спросил пароль от Wi-Fi. В почтовом ящике, помимо обычного спама, было письмо от Олина Калани, начальника полиции Гонулулу. И запрос из полиции Нью-Йорка.

Запросы, похожие на нью-йоркский, я получаю ежедневно. Нередко приходит по два или три. Проблема в том, что их всегда больше, чем я могу принять, и получается, что я отказываю чаще, чем соглашаюсь. С этим мне пришлось научиться жить, и это было непросто. Я как тот голландец, который пытался руками закрыть брешь в плотине, только у меня вместо воды – кровь.

По тону письма Калани я понял, что он очень раздражен моей задержкой, хоть и старается держаться вежливо.

Пресса подхватила историю с насильником, и теперь новости пестрели пугающими заголовками. Расследование этого дела и так продвигалось плохо, а запугивание людей обещало все осложнить еще больше. Я написал ему короткий ответ с просьбой прислать мне все имеющиеся материалы дела и заверил, что сразу же дам знать, как только у меня появятся какие-то мысли. Закончив с письмом, я зашел на сайт посмотреть счетчик.

**07:22:20**

Целую минуту я, не сводя глаз с экрана, смотрел на то, как сменялась секунда за секундой, приближаясь к нулю. За это время еще шесть человечков отправились к Создателю. Это была одна из самых длинных минут в моей жизни.

Я отложил лэптоп в сторону, лег на кровать, закрыл глаза и стал перебирать в уме всю имеющуюся на данный момент информацию. На фоне «Женитьбы Фигаро» я думал о «Гольфстриме» и новеньких полицейских машинах, о полицейском отделении маленького городка, предоставившем мне неограниченный бюджет. О свежей краске и сверкающих окнах. Но по большей части я думал о последних минутах Сэма Гэллоуэя, о языках пламени на его коже, о такой медленной и сводящей с ума агонии. Я пытался представить, что он видел в эти последние минуты. Кого он видел.

На данный момент я был уверен в трех вещах.

Во-первых, кем бы ни был убийца Сэма, он очень хорошо интегрирован в местное общество. Он подстраивается под среду, как хамелеон, – это у всех серийных убийц выходит отменно. Они совершенно не выделяются из толпы. Он может быть тем самым незаметным соседом, который всегда помашет рукой при встрече и вежливо поздоровается. Или коллегой, который в прошлом году помог вам с машиной. Может, он вообще ваш друг, к которому вы ходили на шашлык в прошлые выходные.

Неприметность – характерная черта этого типа убийц. Столкнись с ними на улице – ни за что не догадаешься, что это за человек. У них есть жены, дети, работа – полноценная жизнь, которая лишь иллюзия и маска, скрывающая их истинное лицо.

Я прекрасно знал и про иллюзию, и про маску. Мой отец был гениальным иллюзионистом. Пятнадцать убийств за двенадцать лет – и никто совершенно ничего не заподозрил.

Во-вторых, я был уверен, что убийца Сэма сейчас не может думать ни о чем, кроме того, что он сделал. Даже если бы он хотел, он уже не сможет остановиться. Но он отчаянно старался, чтобы сегодняшний день был похож на предыдущие. Сегодня он общается с окружающими так же, как и обычно. И еще более внимательно, чем обычно, следит за тем, чтобы оставаться неприметным.

Все время в голове у него проигрываются вчерашние события – это замкнутый круг из звуков и картинок, которые врезаются в каждую его мысль. Когда он думает, что находится один, он может даже позволить себе на несколько минут полностью погрузиться в эти воспоминания, но все остальное время он следит за тем, чтобы все было как обычно.

И в-третьих, я точно знал, что, если его не остановить, он продолжит убивать.

И еще в одном я был уверен на девяносто девять процентов. Свою информационную бомбу мне придется сбросить на Тэйлора, когда он вернется. И я не знал, как он на нее среагирует. Я надеялся, что он сможет отодвинуть в сторону свои личные чувства и посмотреть на ситуацию объективно. Если не сможет, то мне придется работать в одиночку. Но все-таки я был уверен в Тэйлоре – до этого не дойдет.

Тихий стук в дверь вернул меня к реальности. Я захлопнул крышку лэптопа, встал с кровати и впустил в номер Ханну. Распространяя вокруг себя запах свежесваренного кофе, она поставила поднос на прикроватный столик. На подносе лежал банан. Я посмотрел на него и на Ханну.

– Это не шоколадный батончик.

– Десять баллов за наблюдательность, – улыбнулась Ханна. – Тэйлор мне сказал, что вы профи. Если у вас проблема с уровнем сахара, вам лучше есть фрукты. Это научный факт.

– Но они не такие вкусные.

– Позже вы будете мне благодарны.

Я взял банан, посмотрел на него так, как будто он был орудием пыток, очистил и начал есть.

– Да вы на глазах здоровеете, – улыбка Ханны перешла в ухмылку.

– Мне причитается скидка за номер.

– Ну да, конечно, – засмеялась она.

Я бросил в чашку два кубика сахара и сделал глоток. Кофе даже рядом не стоял с «Блю Маунтин», который подавали на борту «Гольфстрима», но он был крепким и кофеина в нем было достаточно для нужного мне эффекта.

– Вы ведь не обладаете секретом вечной молодости? Вряд ли вы та самая Ханна, с вывески.

Ханна засмеялась. Она здорово смеялась – мелодично и заразительно. Такой смех хочется слушать и слушать. Есть люди, к которым тянет с самой первой встречи. Что-то просто щелкает в нужном месте, пазлы сходятся, и тебе хочется все узнать об этом человеке.

– Это моя бабушка. Она купила это место в шестидесятых годах. Это наш семейный бизнес уже более полувека.

– Ты ведь уже давно знаешь Тэйлора?

– Мы вместе в школу ходили, – кивнула Ханна. – Я училась на пару классов старше.

– Старшие девочки обычно внимания не обращают на тех, кто младше. По крайней мере, в мое время было так.

– Такое ощущение, что вы говорите, основываясь на лич-

ном опыте.

– Да, горький личный опыт.

– Как ее звали?

– Элисон Блейн. На два года старше меня.

– И она разбила вам сердце.

– На тысячи кусков. Так как же вышло, что вы вообще узнали о существовании Тэйлора?

– Он был лучшим тэкл-защитником школьной команды по американскому футболу всех времен. И лучше его уже не будет. Он был легендой.

– Все ясно.

Она подозрительно сощурилась и снова стала казаться гораздо старше.

– Вы что-то выводываете, и, кажется, я даже знаю, что именно. Так что лучше будет, если вы напрямую спросите. Конечно, приятно предаться воспоминаниям, но работа не ждет.

– Как зовут Тэйлора?

– А с чего бы это я стала вам рассказывать? Особенно учитывая то, что Тэйлор дал мне пятьдесят баксов, чтобы я молчала.

Я вытащил из кошелька стодолларовую купюру и помахал перед ее лицом.

– Бенджамин Франклин всегда победит Улисса Гранта.

Ханна вырвала купюру у меня из рук.

– Уж это точно!

Тэйлор вернулся двадцать минут спустя с маркерной доской размером с него самого и пластиковым пакетом из магазина, свисающим с одного из его мясистых пальцев. Пакет он бросил на кровать рядом со мной. Внутри были разноцветные маркеры и бутылка односолодового виски, оставшаяся в люксе «Империяла». Это был тридцатиоднолетний «Глен-моранжи». Высококласный выбор – круче, чем бриллианты. Выбор профессионала.

Я откупорил бутылку, подставил нос к горлышку и глубоко вдохнул. На несколько мгновений я перенесся в холодные, нехоженые места за много световых лет от августовской Луизианы. В нос ударил запах торфа и вереска, холодный колючий дождь бил меня в лицо, а тяжелые грозовые облака нависали прямо над головой. Я вернул пробку на место и поставил бутылку на тумбочку.

Тэйлор был одет в черные джинсы, однотонную черную футболку, черные кроссовки и черные носки. В кобуре на поясе висел «Глок». Не намного лучше, чем было, но все же это был шаг в правильном направлении, пусть и очень маленький.

– Что? – спросил он.

– Ты похож на копа, у которого украли форму.

– Уж получше, чем увядающая рок-звезда в отчаянных

попытках вернуть славные дни. Куда ее поставить? – кивнул он на маркерную доску.

– Рядом со шкафом, пожалуйста.

Тэйлор прислонил доску к стене. Поскольку места не хватало, пришлось ставить ее торцом вверх.

– Ответы, Уинтер.

– Как только пройдешь третий тест, так сразу.

– Тест? О чем вообще речь?

– Просто пара вопросов, не о чем волноваться, – сказал я с кислой миной. – По крайней мере, я надеюсь, что не о чем волноваться. Вопрос первый: ты кого-нибудь убивал?

– Что?! Ну конечно, я никого не убивал.

– Вопрос второй: допустима ли ложь в каких-нибудь случаях?

Тэйлор сверлил меня глазами и ничего не говорил.

– Отвечай на вопрос.

– Недопустима.

– А если у маленького Джимми умер любимый щенок и мама сказала ему, что его Скрэппи убежал по радуге, живет теперь на Солнечной ферме и будет до конца дней своих бегать за кроликами и есть рибай-стейк?

– Ну, хорошо, наверное, бывают ситуации, когда ложь допустима.

– И ты сейчас искренне говоришь, ведь так? В данный момент ты же не врешь?

– Ну, хватит! Я вообще не понимаю, что вы тут задумали,

но если в ближайшие две секунды вы не начнете объяснять, ищите себе другого дурака и играйте с ним в свои интеллектуальные игры.

– Поздравляю, – расплылся я в улыбке. – Ты блестяще справился с тестом.

Тэйлор покачал головой и пошел к двери.

– Плохой поисковый портрет может испортить все дело.

Тут он застыл, держась за дверную ручку.

– У тебя сейчас миллион вопросов в голове, но есть один самый главный.

Тэйлор смотрел на меня, а я на него. Кивком я указал ему на кровать.

– Садись, давай поговорим.

Тэйлор подошел к кровати и сел.

– Мне нужно было знать, могу ли я тебе доверять, – сказал я.

– Почему?

– Мы дойдем до этого. И еще мне нужно было знать, смогу ли я с тобой работать. В самолете, когда я спрашивал твое мнение о видео, я хотел проверить, скажешь ли ты мне собственное мнение или то, что я хочу услышать. Я терпеть не могу тех, кто всегда со всем соглашается. Затем, в участке, мне нужно было понять, умеешь ли ты думать самостоятельно. Ты знал, что я даю нерабочий портрет, но ничего не стал говорить. Отличный ход, между прочим.

– Но почему? Я не понимаю этого, вообще не понимаю.

Зачем такие предосторожности?

– Потому что у меня есть одна гипотеза. И она основана на такой впечатляющей попытке повести расследование по ложному следу, что даже я признаю ее исключительность.

Я остановился на минутку, чтобы Тэйлор поймал ход моих мыслей.

– Когда я дал поисковый портрет, я сказал, что мы ищем белого мужчину ростом метр семьдесят пять, которому за тридцать, стройного и с высшим образованием. Пять элементов описания. Два из них истинны, а три могут быть ошибочны, – я пожал плечами. – А могут быть и правильными. Какие два точно верны?

– Это вопрос с подвохом, – сказал Тэйлор. – Все пять верны. Вы взяли информацию из видео. Человек, который бросил спичку, точно белый, стройный, примерно метр семьдесят пять. Учитывая характер убийства, можно предположить, что он образован и ему за тридцать. В общем, это не высшая математика, Уинтер.

Я помолчал несколько минут, чтобы Тэйлор подумал о том, что сам только что сказал.

– Черт. Убийца не тот, кто бросил спичку. В этом ваша гипотеза?

– Ты попал почти в самую точку в самолете, сказав, что поджигатель действует, как робот. Совсем чуть-чуть ты ошибся, – сказал я, расставив большой и указательный палец на сантиметр друг от друга. – Разгадка – в отсутствии

эмоций, здесь ты прав. И есть гораздо более легкие способы убийства, более эффективные. На этот счет ты тоже не ошибся.

Тэйлор смотрел на меня широко раскрытыми глазами. Было видно, что все его внимание сосредоточено на том, что я говорю. Мыслей уйти больше не возникало.

– Поджог – рискованный способ. Его может выбрать только садист, но садист вел бы себя совсем не так, как человек на видео. Садист бы растянул процесс, насколько это возможно. Он бы не торопился, а принес целый реквизит, поиграл с ним от души. Тряс бы канистру, чтобы жертва слышала плеск бензина. Зажег бы сначала одну спичку, подождал бы, пока она полностью не выгорит у него в руках, потом вторую. Он бы измучил жертву, сломал бы ее психологически. И только потом поджег бы.

– Господи, – прошептал Тэйлор. Его взгляд был направлен куда-то вдаль, и в нем читалась смесь ужаса и отвращения.

– И уж точно ни один садист никогда и ни за что не пойдет сразу к жертве и не убьет ее. Какой в этом смысл? Нашего поджигателя кто-то заставил сделать то, что мы увидели на видео.

– Как?

– Какими-нибудь угрозами, – пожал я плечами. – Может, кто-то из семьи. В полицию не поступало никаких заявлений о пропаже людей за последние двое суток?

– Не слышал, – покачал головой Тэйлор.

– Значит, не из семьи. Ну, или же сейчас где-то находится целый дом трупов, которые пока не обнаружены. Сейчас это не важно. Важно понять, почему наш убийца сам не стал делать грязную работу.

– Без понятия, но наверняка у него есть очень веская причина.

– Как ты сделал этот вывод?

– То, что он выбрал поджог, означает, что садистские наклонности у него есть. Но то, что он заставил поджигать кого-то другого, означает, что он их подавляет. А без серьезных причин он бы не стал их подавлять.

– И эта веская причина у него есть. Бензин – крайне неудобная для работы субстанция. Запах впитывается в одежду, волосы, кожу, и он очень стойкий. Прибавь к этому запах горения, от которого тоже не так легко избавиться. Ты у костра сидел когда-нибудь? Запах дыма не выветривается полностью и через несколько дней. В общем, нужно быть полным тупицей, чтобы из всех методов убийства выбрать поджог. Легче неоновую рекламу себе на лбу повесить с надписью: «Я убийца».

– Но наш поджигатель не тупой. Поэтому он кого-то другого использовал для поджога. Он знает, по каким признакам судмедэксперты выявляют поджигателей.

– Продолжай, – подбодрил его я. – Ты почти у цели. Сделай этот последний шаг. Если тебе это поможет, ответ – в одном из вопросов, который ты мне задал. Зачем мне нужно

быть уверенным, что я могу тебе доверять?

Тэйлор открыл было рот, чтобы сказать, что он без понятия, но слов не последовало. Его глаза расширились от внезапного озарения.

– Господи... Вы думаете, что поджигатель – коп.

– Это точно не коп, Уинтер. Двести процентов. Я изо дня в день работаю с этими людьми. Если бы кто-то из них был убийцей, я бы знал.

Я подошел к окну и одним пальцем отодвинул штору. По Морроу-стрит шла парочка ранних пташек, явно рассчитывающих попасть на «счастливый час». Это были закоренелые алкоголики, одинокие спившиеся души, и уже ничто не могло встать между ними и бутылкой – даже чье-то убийство. Солнце, беспощадно палящий желтый шар, уже приближалось к горизонту, но время до заката еще было. Я отпустил штору.

– Нет, ты бы не знал. Одиннадцать лет я жил под одной крышей с одним из самых жестоких серийных убийц этой страны и ничего не заподозрил. Моя мать провела с ним семнадцать лет, то есть почти два десятилетия. Тринадцать из этих семнадцати лет они были женаты. Спали в одной постели, жили одной жизнью, и она ничего не заподозрила. Отец прожил в одном и том же маленьком городе всю свою жизнь, и этот город мало чем отличается от Игл-Крика – только тем, что находится в Калифорнии, на другом конце страны. У него были друзья, с которыми он еще в школе учился, и они тоже ничего не подозревали.

– Вы были ребенком. Немудрено, что вы ничего не заме-

чали. От ребенка невозможно этого ожидать.

– Ты не понимаешь. Мы все страдаем расщеплением личности. У кого-то их три, а у кого-то и того больше. Ты – один для друзей и для семьи, другой – для остального мира. Третий – когда смотришься в зеркало. У каждого есть темная сторона, мысли и чувства, которыми мы не хотим делиться с остальными. Каждый хоть раз в жизни лежал без сна в постели и желал кому-то смерти.

– Вы ошибаетесь.

– Да? То есть ты никому и никогда не желал смерти? – покачал я головой. – Попробуй убеди меня, но ты не будешь честен. Ты знаешь о том, что между психопатией и подростковым возрастом есть пугающее количество сходных черт? С психологической точки зрения это почти что идентичные состояния.

– Ну и что?

– Ну вот ты был звездой американского футбола в колледже. В те годы у тебя столько тестостерона было в организме, что мозг просто отключился на несколько лет. И ничего ты с этим не поделал бы. Если добавить к этому подростковую психопатию, только чудо могло тебя спасти от мысли о чьей-нибудь смерти. Да даже и не одному человеку.

Тэйлор еле заметно покраснел.

– Мне не нужны детали. Просто признай, что я прав.

– Вы не правы. А как же Ганди или мать Тереза? Вы хотите сказать, что у них тоже была темная сторона и они желали

людям смерти?

– Интересно, что ты выбрал двух людей, которые уже умерли и не могут ничего сказать о себе, но да, я уверен, что и у них тоже были свои демоны.

– А у вас есть?

Я представил себе отца, привязанного к тюремной каталке в комнате, где приводили в исполнение смертные казни. Потом представил молодую девушку с пластиковым пакетом на голове и кожаным ремнем вокруг шеи, с выпученными глазами и синюшной кожей. Подумал, как поживает в тюрьме Карл Тиндл. Я надеялся на то, что его новые друзья окружили его соответствующей заботой.

– У нас у всех есть темная сторона. Признайся себе, Тэйлор, ты ведь даже не можешь до конца узнать другого человека. Сколько раз ты слышал выражение «чужая душа – потемки»?

– Уинтер, я говорю вам, убийца – не из полиции.

– И ты отвечаешь за всех своих коллег – от шерифа до диспетчеров?

Тэйлор кивнул.

– Даже учитывая то, что ты работаешь там всего полгода?

Тэйлор кивнул снова, но в этот раз уже не столь уверенно.

– А если взять городское отделение полиции, ты и за них всех готов поручиться?

На этот раз Тэйлор уже не кивал. Я хотел посеять в нем сомнение, и у меня это получилось.

– Будь осторожен с поручительствами, Тэйлор. Иногда без них нельзя, но если переборщишь, они начнут работать против тебя. Я сказал, что убийца – полицейский, но я не сказал, что он обязательно из управления шерифа.

– И вы на сто процентов уверены, что он – полицейский?

– Нет, только на девяносто девять, и, поверь мне, пока он не арестован, большей уверенности быть не может.

Тэйлор притих и задумался. Он искал контраргумент, хоть что-нибудь, чтобы доказать, что я не прав. Ему была нужна соломинка, за которую можно было схватиться в крошечной тьме.

– Хорошо, – сказал он наконец. – Предположим на одну секунду, что вы не правы. Сами сказали, что есть один шанс из ста, что убийца – не коп. Если окажется, что вы ошиблись, то мы потратим уйму времени на поиск призрачной тени, в то время как могли бы сделать что-то более полезное, например искать человека, который не работает в полиции. Ведь счетчик приближается к нулю, и кто-то за это время может сгореть заживо.

– Мы не тратим время. Во-первых, он коп. Во-вторых, и все шерифское управление, и полицейское управление – а это очень много людей – ищут не копа. Если каким-то чудом я ошибся, мы должны верить, что они сделают свою работу хорошо и поймают злодея. В-третьих, если окажется, что я все же не прав, я первый подниму руки и признаю это. Если к тому времени копы его еще не поймают, мы изменим на-

правление и разработаем новый подход.

– А за это время кто-то умрет.

– Это издержки профессии. Ты составляешь план, основываясь на имеющейся информации, надеешься и молишься, что твой расчет верен. Иногда ты выигрываешь, иногда проигрываешь.

Тэйлор молчал.

– В худшем случае я оказываюсь неправым и сгорает еще один человек. В лучшем случае я не ошибся и мы поймаем убийцу до того, как он успеет добраться до следующей жертвы.

Ноль реакции.

– Ты умный и способен думать самостоятельно, и это ровно то, что нам сейчас нужно. Я могу и сам вести расследование, но ты бы мне очень помог. Но решение за тобой. Если ты решишь, что не сможешь помочь, я пойду дальше один. Но в этом случае буду тебе очень благодарен, если ты не будешь распространяться о моей гипотезе о копе-убийце, – улыбнулся я. – Но это все теория, ведь я знаю, что ты поможешь.

Тэйлор глубоко вздохнул. Его широкие плечи опустились вниз, как будто бы он принял на себя тяжелый вес.

– Хуже того, – добавил я. – Ты ведь понимаешь, что до завершения расследования мы представляем Управление шерифа Дейтонского прихода? И кроме себя, мы ни на кого рассчитывать не можем, дружок.

– У вас много хороших новостей, как я посмотрю.

– Ну, есть и хорошие. Ты сейчас практически новый руководитель отделения уголовного розыска Управления шерифа Дейтонского прихода. Ты просто несешься по карьерной лестнице, прыгая сразу через две ступеньки. Продолжай в том же духе, и скоро ты уже будешь примерять форму шерифа.

– Ну а сейчас что делать?

– Сейчас будем расследовать. Начнем с Сэма Гэллоуэя. Сомневаешься – всегда возвращайся к жертве. Поразительно, сколько всего может рассказать мертвый человек, если внимательно слушать.

Я достал из кошелька монетку, подбросил ее и следил за тем, как металл бликует в воздухе. Поймав, прижал ее к тыльной стороне ладони.

– Орел – наведываемся к вдове. Решка – в офис Сэма.

Жилой комплекс «МакАртур-Хайтс» располагался на северо-западе Игл-Крика, как раз там, где дома были больше похожи на крепости, а до полей для гольфа было рукой подать. Тэйлор строго держался предписанной знаками скорости, не сводил глаз с дороги, несмотря на почти полное отсутствие транспорта, и давал звуковой сигнал даже тогда, когда в этом не было особой необходимости.

– Моя очередь задавать вопросы, – сказал я Тэйлору. – Я много повидал шерифских управлений, и знаешь, сколько из них могли похвастаться «Гольфстримом G550»? Ни одно, ноль, зеро! Если пойти и купить завтра такой самолет, с пятидесяти миллионов баксов даже сдачи не дадут. И это подержанный вариант. Бюджеты на полицию все время срезают – денег на скрепки-то еле-еле хватает, не говоря уже о личном самолете.

– У нас нет личного «Гольфстрима».

– Да, об этом я догадался, – засмеялся я. – Я хочу знать, у кого вы его арендовали и, что еще более важно, почему вам его дали. Если бы у меня был «Гольфстрим», я бы тебе его не дал полетать, несмотря на то, что ты мне нравишься.

– Самолет принадлежит компании «Морган-Холдингс». Семья Морган живет в Игл-Крике уже не знаю сколько. Ей принадлежит много недвижимости в округе. Вы заметили

статую на главной площади?

– Ее трудно не заметить, – кивнул я.

– Это Рэндалл Морган. Он нашел нефть на своей ферме в самом начале двадцатого века, это была первая скважина в Дейтоне. История округа превозносит его как святого, как будто он был одним из отцов-основателей Конституции США. Но я могу сказать, что он точно не был святым. Как только у него появились деньги, он сразу начал скупать землю – участки, на которых он надеялся обнаружить нефть. Когда люди не соглашались продавать, он их настойчиво убеждал, если вы понимаете, о чем я.

– Руки выкручивал, другими словами.

Тэйлор кивал и не сводил взгляда с дороги. В его плечах и в лице вдруг появилось какое-то новое напряжение. Он был как струна – пальцы на руле сжимались и разжимались, костяшки фаланг то белели, то чернели.

– Дедушка или прадедушка? – тихо спросил я его.

– Прадедушка. У него был небольшой участок в тридцати километрах от Игл-Крика. Он выращивал кукурузу, держал немного скотины, выжимал из земли то, что можно назвать пропитанием. Он даже не жил – выживал. В начале прошлого века не так много черных имело землю на Юге, а у тех, кто имел, она была не ахти какая.

– То есть Рэндалл предложил ему выкупить землю за бесценок, твой прадед ему отказал, и Рэндалл прислал тяжелую артиллерию, сделав ему предложение, от которого он не мог

отказаться.

– Не совсем.

Тэйлор все еще впивался пальцами в руль. Прошло больше века, но злость не отступала. В этих местах длинная память, и у меня была возможность собственными глазами увидеть, насколько глубока была та далекая рана.

– Что случилось?

– Рэндалл прислал банду линчевателей – пятеро на лошадях в белых простынях с белыми капюшонами. Они вытащили прадеда из дома посреди ночи, повесили его на первом попавшемся дереве и поставили горящий крест на участке. На следующий день приехал Рэндалл со своим адвокатом и контрактом в руках и заставил прабабушку поставить на нем крестик. – Тэйлор покачал головой. – Хотите узнать, в чем трагедия, Уинтер? Не было на его участке нефти. Это были абсолютно бесполезные для Рэндалла пара соток. Моего прадеда убили ни за что.

Мы выехали из Игл-Крика, дома и бетон сменились полями и деревьями. На улице не было ни души. Можно было легко представить, что мы перенеслись на сто лет назад, когда богатый белый мог легко организовать убийство бедного черного, не боясь преследований.

– После смерти Рэндалла бизнес перешел к его сыну, Рэндаллу Моргану-младшему, – продолжил Тэйлор. – Он был амбициозным, но отцовской жестокости в нем не было. И он был умен. Он быстро понял, что нефть может закончиться,

и стал инвестировать в другие сферы. Он вкладывал во все, в самые разные сферы, которые объединяло только одно: все они приносили доход – газеты, радио, банки, строительство.

– Когда кончилась нефть?

– Лет двадцать назад.

– «Морган-Холдингс» по-прежнему принадлежит Морганам?

Тэйлор кивнул.

– От начала и до конца. Это единственный бизнес, оставшийся в семье.

– И, судя по «Гольфстриму», дела в компании идут хорошо.

– Можно и так сказать. Капитал исчисляется миллиардами. Дейтон расположен над Хейнсвилем, так что Морганы попали прямо в недавний газовый бум. Уже давно было известно, что газ там есть, но разрабатывать его было слишком дорого. Новые технологии бурения облегчили задачу.

– А кто сейчас управляет компанией?

Тэйлор улыбнулся. Напряжение ушло, и он перестал сжимать руль. Мы снова были в зоне безопасности. Как бы ни обстояли дела в настоящем, оно его волновало гораздо меньше, чем прошлое. Все как у меня.

– Формально Клейтон Морган. Он стал генеральным директором после того, как его отец, Джаспер, несколько лет назад ушел с этой должности и занял пост президента. Эта

должность является почетной и номинальной, но в городе все знают, что реально глава он.

– Хорошо, это ответ на вопрос, кто владеет самолетом. А почему «Морган-Холдингс» дает вам пользоваться «Гольф-стримом»?

– Потому что Джаспер Морган покинул пост директора компании и стал мэром Игл-Крика. Он очень близко к сердцу принимает все, что происходит с городом. Чрезвычайно близко. Он любит этот город так, будто это его собственные тело и кровь. Когда он увидел видео, он велел нам сделать все, чтобы поймать убийцу. Деньги – не проблема, он дал нам полный карт-бланш. Он хочет, чтобы все было сделано четко и быстро. Мертвым мы возьмем преступника или живым – ему все равно. Он хочет, чтобы убийств больше не было.

Теперь я понял реакцию шерифа Фортье, когда мы обсуждали мой гонорар. По крайней мере, теперь я знаю, кто подпишет чек, в который я был волен вписать любую сумму.

Особняк Сэма Гэллоуэя стоял на участке в два гектара в окружении других не менее впечатляющих размерами домов. От внешнего мира территорию отделяла метровая кирпичная стена, а поверх нее – забор из черного кованого железа с изогнутым верхом, напоминавшим мне детский рисунок птицы.

Чтобы дом не просматривался с улицы, на участке был высажен ряд деревьев. Но им еще предстояло вытянуться и обзавестись густой листвой. А пока мы ехали вдоль забора, дом мелькал в просветах среди деревьев то тут, то там.

Тэйлор затормозил перед двойными воротами. Как и забор, они были сделаны из черного кованого железа, но напоминали мне уже не детский рисунок, а въезд в тюрьму. Если бы мы попытались протаранить эту трехметровую узорчатую преграду, это закончилось бы плачевно для такого мощного образца американской сборки, как наша патрульная машина.

Тэйлор опустил окно, и внутрь ворвалась волна перегретого воздуха. На колонне у ворот был установлен микрофон – такой, через который обычно заказываешь еду в фастфуде, не выходя из машины. Кнопок с цифрами не было. Внутрь можно было попасть, только если ворота откроют из дома или у тебя есть пульт. Тэйлор протянул руку и нажал кнопку звонка. Послышался гудок, два, затем щелчок и помехи.

– Чем я могу вам помочь? – спросил женский голос.

Он мог принадлежать жене Сэма или домработнице. Звук был металлический, плоский, поэтому сложно было сказать точно.

– Управление шерифа. Нам нужно поговорить с миссис Гэллоуэй.

Еще один щелчок, помехи стихли, и ворота начали медленно раздвигаться. Тишина, вливающаяся через окна, была жутковатой. Не было слышно ни единого звука. Для насекомых и птиц было слишком жарко, а ветра, который шевелил бы листву и ветки, не было. Когда ворота окончательно раскрылись, Тэйлор закрыл окно, и мы въехали в самое начало длинной извивающейся дороги.

Вид на дом-плантацию старинной постройки открывался нам постепенно. К тому моменту, как кондиционер окончательно справился с последствиями открывания окна, мы увидели его во всей красе. Сэм, возможно, и работал на периферии юридического ремесла, но оплачивалась она явно прекрасно. Дом с колоннами и идеальной симметрией не мог не впечатлять. По обеим сторонам от широкого парадного входа было равное количество окон одинакового размера. Белая кирпичная кладка слепила своей яркостью.

И все же белый цвет был чересчур белым, а каждая отдельно взятая деталь этого дома была слишком идеальна. Этот дом никак не мог быть построен до Гражданской войны. Даже при безукоризненном уходе двухвековой возраст

дал бы о себе знать.

Тэйлор медленно ехал по тонкой ленте щебеночно-асфальтового покрытия, по обеим сторонам от которого простирались зеленые луга, напоминающие мне кладбище. Не хватало только надгробных плит.

Дорога привела нас к торцевой части дома, где за высоким плетнем прятался гараж на три машины. Тэйлор остановился рядом с новеньким «мерседесом» последней модели и заглушил двигатель.

Мы вышли из машины, и от жары у меня тут же перехватило дыхание. Несмотря на то, что было уже почти шесть вечера, температура так и не опускалась ниже тридцати. Тэйлор вытащил телефон и проверил сайт.

**06:19:23**

Белые цифры сменяли друг друга на черном фоне, и очередной висельник болтался в петле.

Если в деле не наметится перелом, очень скоро убийца запишет на свой счет еще один труп. Сложно искать преступника, который работает в полиции. Ему легко воспользоваться служебным положением и направить расследование по ложному, но выгодному для него следу. Для нас же это все равно что выйти на боксерский ринг в наручниках. Нам нужно было чудо. Но я верил в чудеса ничуть не больше, чем

в удачу.

Когда мы подошли к парадному входу, дверь была уже открыта и домработница ждала, чтобы впустить нас. В доме было прохладно и просторно, комнаты были большие и открытые, как в церкви. Все лампы и светильники были включены, но по сравнению со слепящим солнцем освещение казалось тусклым.

Домработница провела нас по холлу мимо широкой лестницы из темного дерева с ярко-красным ковром. Чем дальше мы углублялись в дом, тем становилось холоднее, как будто бы мы спускались в подzemелье. У одной из дверей она остановилась, постучала, открыла дверь и отошла в сторону, пропуская нас.

Комната была большая, дорого обставленная и абсолютно безликая. Шторы были задернуты, чтобы избежать перегрева, замысловатая хрустальная люстра разбрасывала по деревянному полу целые россыпи света. Сколь впечатляющей ни была люстра, в комнате был еще и богато оформленный камин, и фортепьяно марки «Стейнвей», который тоже мог побороться за звание главного украшения комнаты. Для меня «Стейнвей» был вне конкуренции – эти пианино просто замечательные. Мне очень хотелось подойти и что-нибудь сыграть, но сейчас явно было не место и не время для этого.

Барбара Гэллоуэй стояла у камина. Она была изысканно красива – как фарфоровая кукла, только не такая хрупкая. Темные волосы, карие глаза, возраст немного за сорок. Оде-

та она была просто – в джинсы и однотонную черную блузку. Ее горе проявлялось в самых разных деталях – более и менее очевидных. Она была без косметики, из украшений на ней были только обручальное кольцо и кольцо в честь помолвки. Она постоянно вертела на пальце обручальное кольцо, по всей видимости, не отдавая себе в этом отчета.

Часов на запястье не было. Когда мир для тебя останавливается, время перестает иметь значение. Каждая секунда наполнена мыслями и воспоминаниями об умершем, а часы превращаются в твой личный ад. Спереди на ее джинсах виднелось маленькое пятно от кофе, которого в нормальных условиях там бы не было. Глаза были красные, взгляд – тяжелый.

На стене за ее спиной висел семейный портрет, на котором были изображены Сэм, Барбара и трое детей. Все были с серьезными лицами, ведь это был портрет, а не фотография. Тэйлор говорил, что детям от десяти до пятнадцати лет, но на портрете им было меньше на два или три года. Взгляд Барбары проследил за моим.

– Дети сейчас у моих родителей.

Замечание было туманным и не имело никакого отношения к делу – ей просто нужно было как-то заполнить тишину. Ее родители могли быть в Майами, Нью-Йорке или Чикаго. Или вообще за границей. Да и неважно, где именно они были. Мы пришли не для того, чтобы увидеть родителей или детей.

– Нам нужно задать вам несколько вопросов, если вы не возражаете.

– Конечно. Пожалуйста, присаживайтесь.

Она указала нам на софу, которая неплохо смотрелась бы в Версальском дворце. Мы с Тэйлором сели с разных краев, а Барбара Гэллоуэй присела в кресло из того же гарнитура, расположенное сбоку от софы. Она повернулась к нам лицом, скрестив ноги и чопорно положив руки на колени.

– Я уже говорила с полицией.

– Я знаю, миссис Гэллоуэй. У меня только несколько дополнительных вопросов.

– Вы не отсюда, не так ли?

– Это так, мэм. Меня зовут Джефферсон Уинтер. Я выступаю приглашенным консультантом шерифского управления по этому делу.

Некоторое время она недоуменно рассматривала мою футболку с Хендриksom и мои волосы, а затем взглянула мне в глаза.

– Муж позвонил мне около пяти вечера вчера и сказал, что останется на работе допоздна и к ужину не придет. Так было не впервые, он часто задерживался на работе. Но обычно к девяти он бывал дома, поэтому, когда и в десять он не появился, я заволновалась. Я позвонила на мобильный, но на нем был включен автоответчик.

Это звучало как заявление, и оно показалось мне отрепетированным. Как будто бы она давала официальный коммен-

тарий, а не отвечала на чей-то конкретный вопрос. Я задумался, как часто Сэм на самом деле задерживался на работе и часто ли использовал ее как предлог. У богатого мужчины с образом жизни плантатора вполне могла быть любовница.

Барбара Гэллоуэй показалась мне сильной и гордой женщиной, но она явно была на грани срыва. В эту секунду ей необходимо было это отрицание, ей нужно было держать маску. Я мог бы достаточно легко ее расколоть, но это было бы излишне жестоко. Ту правду, которую я мог получить от нее, я смогу получить и в другом месте. Барбара сейчас находилась в своем личном аду, и, если ей и суждено перенести эту потерю, на восстановление уйдет очень много времени. Я совершенно не желал усугублять ее агонию.

– Миссис Гэллоуэй, – начал я, – мне нужно составить представление о том, каким был ваш муж.

– Был, – прошептала она. Ее невидящий взор был устремлен на собственные руки, и она без конца теребила кольцо. Затем она подняла голову и пристально взглянула мне в глаза. Если бы такого рода испытующие взгляды были мне в новинку, сейчас мне было бы некомфортно. – Через сколько времени люди начинают говорить о человеке «был»?

– Зависит от того, насколько вы любили человека. Если ненавидели, переход может случиться мгновенно. А если любили, то это совсем другое дело. Кому-то требуются месяцы, а кому-то – годы. А есть люди, которые так и не могут заставить себя говорить об ушедшем в прошедшем времени.

Я замолчал, не зная, стоит ли углубляться в эту тему и была ли Барбара готова меня слушать и понимать.

– Пожалуйста, – сказала она. – Просто скажите, что думаете.

– Некоторые так и застревают в прошлом, – немного поколебавшись, сказал я. – Для них мир перестает существовать после того телефонного звонка или стука в дверь, навсегда изменивших их жизнь. Неважно, чем они занимаются, они не могут сдвинуться с мертвой точки. Но, надо признать, они и не очень сильно стараются. Чувство вины за то,

что они остались живы, а близкий человек мертв, запирает их в прошлом. И даже через десять или пятнадцать лет после произошедшего они все еще ставят для него приборы на столе.

Я думал о своей матери. Она была женой убийцы, а не жертвы, но во всем том, что имело отношение к Барбаре Гэллоуэй, их ситуации были идентичны. Моя мать так и не смогла принять то, кем оказался отец и что он сделал. Много раз, обычно когда она была пьяна, она ставила еще одну тарелку и приборы, когда мы садились ужинать. В этих случаях я просто ел то, что она приготовила, и изо всех сил старался не замечать огромного слона, который занимал всю комнату в эти моменты.

Была и еще одна группа людей, но ее я не стал упоминать при Барбаре. Это те, кому жить было так больно, что они просто не могли продолжать это делать. Моя мать относилась как раз к этой группе. Она считалась алкоголиком, но суицид может принимать разные формы.

– Спасибо вам за честность, мистер Уинтер. Я вам очень благодарна. Вы сказали, у вас есть ко мне вопросы?

Она говорила с натянутой улыбкой. Хорошие манеры были привиты ей с колыбели. Даже сейчас она могла вести себя только так. Как ни старайся, как ни спасайся, от себя не убежишь.

– Расскажите мне, как складывался обычный день вашего мужа.

Я отметил проблеск удивления на ее лице, но он появился и исчез за долю секунды. Маска горя тут же вернулась на свое место. Весьма вероятно, ей пришлось выдержать немалое количество вопросов с того момента, как в распоряжении шерифа появилось видео, и я довольно хорошо представлял себе, какое направление эти вопросы приняли.

Шеперд и его люди наверняка избрали тактику лобовой атаки. Они концентрировались на последнем дне, который Сэм Гэллоуэй прожил на этой планете, и начали они именно отсюда, потому что силились хоть что-нибудь понять в ситуации, которая выходила за рамки их привычной картины мира. Они пытались хоть как-то восстановить равновесие в этом маленьком уголке под названием Игл-Крик. Обобщив всю информацию о последних часах Сэма Гэллоуэя, они надеялись повернуть время вспять. Они хотели, чтобы все было так же, как и до того, как Сэм оказался в объятиях пламени.

Но время нельзя повернуть вспять. И неважно, какие теории выдвигают физики, в реальном мире все не так. В реальном мире время направлено только вперед. И никто ничего не может сделать, чтобы изменить этот факт. В свое время наступают приливы, и часы, минуты и секунды неумолимо бегут в будущее, и никакого другого пути нет.

– Обычно рабочий день начинается около семи... – Барбара заметила, что она сказала, и исправилась: – начинался около семи. Пока Сэм принимал душ и одевался, я будила

детей и собирала их в школу. Потом мы все вместе садились завтракать. Сэм всегда ел хлопья.

На секунду я подумал, что Барбара не выдержит и заплачет. Она сделала глубокий вдох, стряхнула с себя горе и собралась с силами. Я был очень впечатлен тем, как сила воли взяла верх над эмоциями.

– Если ему предстояла работа в суде, он выходил около восьми. В остальных случаях он уходил где-то в пятнадцать минут девятого. Он всегда старался вернуться около шести, чтобы мы ужинали дома всей семьей. – Тут Барбара посмотрела мне прямо в глаза. – Семья была для него всем.

– Но, как вы сказали, он часто задерживался на работе.

Барбара кивнула.

– Он занимался всем, кроме уголовного права, а это очень много, даже в таком маленьком городе, как Игл-Крик. Юридическая фирма была основана дедом Сэма. После его смерти ее возглавил отец Сэма, а затем Сэм. В течение трех поколений компания была в руках одной семьи. Мы всегда думали, что дело перейдет к нашему сыну, когда Сэм выйдет на пенсию. Может, еще найдется вариант, при котором наш план осуществится.

Ее голос затих, и то, что она хотела сказать, слилось с тишиной.

– Как проходили выходные?

– По субботам Сэм по утрам играл в гольф. Воскресенья были посвящены семье. Мы обычно навещали моих родите-

лей или ездили к маме Сэма.

– Он когда-нибудь работал по выходным?

– Почти никогда. Он всегда старался освободить выходные, чтобы мы могли проводить время всей семьей. Извините, мистер Уинтер, у вас еще много вопросов осталось? Мне довольно трудно дается беседа.

– Только один. Если бы у вас было всего одно слово для описания вашего мужа, какое бы слово вы выбрали?

Барбара задумалась и сказала:

– Честный. Он был самым честным человеком, которого я встречала в жизни.

Тэйлор включил первую передачу, и мы отъехали от новенького «мерседеса» премиум-класса. Кондиционер работал на полную мощность, но в машине все равно было жарко, как в печке. Мы проехали вдоль фасада и повернули на дорожку к воротам. Казалось, на такой жаре вспотела даже она. По обе стороны по-прежнему разливалось море идеальной зеленой травы. Я смотрел в боковое зеркало за тем, как огромный и фальшивый дом постепенно уменьшается в размерах.

Когда мы подъехали к воротам, они уже были полностью открыты. Скорее всего, домработница нажала на кнопку, когда мы проезжали вдоль фасада, и четко рассчитала время. Думаю, то же самое она делала и для Сэма Гэллоуэя. Он был занятым человеком, часто задерживался допоздна и, уж конечно, не хотел тратить время на стояние перед воротами.

Тэйлор повернул направо, и мы поехали той же самой дорогой обратно в Игл-Крик, соблюдая все ограничения скорости. Я этого не понимал. Тэйлор вел машину так, как будто у нас на заднем сиденье ехала принцесса на горошине. Ведь чуть ли не единственной радостью работы в полиции является то, что можно превышать скорость, не заботясь о штрафах.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.